

Хроники Россия

Матвей Гречко

**Русская история в
легендах и мифах**

«АСТ»

2016

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)

Гречко М.

Русская история в легендах и мифах / М. Гречко — «АСТ»,
2016 — (Хроники Россия)

Все самые интересные факты истории мы знаем через сплетни. Раньше иностранным послам даже вменялось в обязанность скрупулезно собирать все, даже самые немыслимые слухи. Начиная с Ивана Грозного и заканчивая Советской Россией – все основные события и незначительные, но крайне любопытные (а порой скабрзные) происшествия в слухах и сплетнях позволят увидеть настоящую, подлинную историю. Все то, что вымарывалось в официальных летописях, учебниках и энциклопедиях, – в новой сенсационной книге-провокации.

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)

© Гречко М., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

От автора	6
Иван Грозный	7
Петр I	37
Марта Скавронская	65
Петр II	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Матвей Гречко

Русская история в легендах и мифах

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

«Если б следовало говорить о людях, по смерти их, только доброе, оставалось бы или не писать историй, или сжечь все исторические книги. В этом преимущество людей мелких и слабых перед великими и сильными. Умрет мелкий негодяй – его похоронят с той же молитвою, как доброго человека... и потом забудут. Брань на него, при жизни, обращается по смерти в безмолвие, а иногда и в похвалу с пожеланием ему царства небесного. Другое достается на долю царей и великих мира сего. При жизни их хвалят, им удивляются, раболепствуют, не только писать и говорить, даже думать дурно о них не смеют. Но едва лишь они сойдут с позорища, является неумолимая история и разит их обоюдоострым мечом своим.»

Н. И. Греч (русский издатель, писатель, журналист и переводчик)

От автора

История бывает разной. Она может застыть в камне, восхищая изяществом форм, может следить за нами со старинных портретов, может представлять в виде статистических выкладок или планов сражений. Все вместе это складывается в цельную картину, связную повесть, подробно изложенную во всех учебниках.

Отслеживать изменения границ государств, следить за перемещением армий предоставим узким специалистам. Автор этой книги ставил перед собой совсем иную задачу, а именно: ответить на простой, но в то же время трудноразрешимый вопрос – какими они были? Все эти великие государи, военачальники – гениальные и не очень, блистательные красавицы, галантные кавалеры, интриганы-царедворцы – что они представляли собой в обычной жизни? Не на балах и приемах, а в быту, в повседневности? О чем думали, что чувствовали, о чем мечтали? Попробуем заглянуть за занавес и увидеть, что же находится за ним. О чем умолчали седовласые историки, так подробно живописавшие реформы Петра I или политические заблуждения декабристов?

Вряд ли вы знаете, почему шведская королева Екатерина Ягеллонка имела все основания ненавидеть московского государя Ивана Васильевича? Как цесаревна Елизавета Петровна сумела перехитрить регентшу Анну Леопольдовну? Или почему великий князь Константин Павлович так и не стал императором? А ведь все это безумно интересно!

Да, мы не можем перенестись во времени и подслушать, над чем смеялись brave гвардейцы, о чем болтали дамы в гостиных или судачили кумушки на базарной площади. Но все же сплетни, слухи, пересуды, всевозможные домыслы и анекдоты сохранились до наших дней в многочисленных мемуарах, письмах и дневниках. Люди поверяли бумаге свои радости и печали, загадывали желания и плакали о несбывшемся; иногда они рассчитывали на то, что их записи прочтут посторонние, иногда обращались лишь к самым близким. Порой эти записи столь откровенны, что поборники скромности могут заслуженно упрекнуть автора в том, что он копается в грязном белье российских государей. Увы, это так... Но если бы любопытство пасовало перед стеснительностью, история вряд ли бы вообще состоялась как наука.

Иван Грозный

Человек, который преступил границы

Психологи говорят, что людям свойственно оправдывать власть имущих. Пороки, за которые осудят равного, простят тому, кто стоит выше на социальной лестнице.

Возможно, это происходит потому, что людям хочется верить в то, что власть принадлежит разумным, «хорошим» людям. Но на деле, увы, случается и по-другому...

Одной из самых мрачных фигур в русской истории является царь Иоанн Васильевич, получивший прозвание Грозный, или, как называли его иностранцы, Ужасный. Вряд ли найдется другой правитель, сделавший столько зла своему народу и проливший столько крови, но и его порой пытаются оправдать.

Итак, перенесемся более чем на пятьсот лет назад.

«Город Москва, главный город и столица России. И самая область, и река, которая протекает через нее, носят одно и то же имя и называются на туземном языке Москвою. Что же из них дало имя прочим, неизвестно; однако правдоподобно, что город и область получили имя от реки. Ибо, хотя самый город в древности не был столицею народа, однако имя московитов было небезызвестно древним», – писал австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, дважды побывавший в Московском великом княжестве.

Город этот в основном состоит из деревянных изб, однако ближе к центру встречаются и каменные строения: приземистые, с крохотными оконцами, зарешеченными – от лихих людей.

«Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских, и в особенности на них нельзя положиться в исполнении контрактов. Они сами знают об этом, и когда им случится иметь дело с иностранцами, то для возбуждения большей к себе доверенности они называют себя не москвичами, а приезжими», – замечает все тот же автор.

Жители города бреют головы, покрывая их небольшими шапочками – тафьями. Знатность, богатство определяются по количеству одежды: несколько рубашек, затем – кафтан, спускавшийся до щиколоток, кафтан перетягивался поясом, на котором висели кинжал и ложка. Поверх кафтана – однорядка – длинная широкая одежда из парчи или шелка с меховой опушкой. На нее – охабень... Еще носят ферязи, кунтуш и, обязательно – высокие сафьяновые сапоги, вышитые жемчугом и драгоценными камнями.

Женщин на улицах мало, и только небогатые и незнатные. Боярыня же заперта в тереме «за двадцатью семью замками, заперта на двадцать семь ключей, чтобы ветер не веял на нее, чтобы солнце не жгло ее белого лица, чтобы лихой молодец не увидел ее». Выйти из терема знатная женщина может лишь в домашнюю часовню или – по большим праздникам – в церковь.

«В этом городе есть крепость, построенная из кирпичей и омываемая с одной стороны Москвою, с другой – рекою Неглинной», – продолжает Герберштейн. Это – Кремль, место жительства великих московских князей, а ныне – царя всея Руси Ивана Васильевича. Сейчас там траур: умерла царица Анастасия Романовна. Горюют все: от судомойки до царского духовника. И не по обязанности плачут, не потому, что положено, а потому, что была царица редкого ума, красоты и доброты.

Кротка как ангел, но совсем не рохля: как никто умела сдерживать гневливый характер царя. И совет ему разумный дать могла, и на своем настоять. В дела вникала, в тереме квашней не сидела, царь ей многое позволял. Другую бы, может, и осудили за такие вольности, –

но не ее, потому что многие понимали, что только ее доброте и заступничеству жизнью обязаны. Сам-то Иван Васильевич на расправу крут и всюду измену видит. Вот и теперь воет около гроба возлюбленной супруги: «Отравили! Извели ее злые люди, супостаты, лиходеи мои...» Ой, что-то будет!

Но никто и в кошмарном сне не мог предвидеть того, что ожидало Россию. Того, что следующие двадцать пять лет станут одними из самых страшных в ее истории.

Царь Иван Васильевич Грозный был сыном великого князя Московского Василия III и его второй жены Елены Глинской. По отцовской линии был потомком Ивана Калиты, а по материнской происходил от Мама, считавшегося родоначальником рода Глинских. Бабкой его была византийская царевна Софья Палеолог.

Сам Иван считал свое детство очень несчастным: ему было всего три года, когда скончался его отец. Заботясь о стране и о сыне, перед смертью Василий сформировал регентский совет – «седмочисленную» боярскую думу. Опекуны должны были управлять государством, пока Ивану не исполнится 15 лет. Дума действовала менее года: очень скоро бояре принялись интриговать, борясь за власть. Не отставала от них и Елена Глинская, после смерти мужа заведшая любовника – Телепнева-Оболенского, по прозвищу Овчина.

Когда Ивану было восемь лет, Елена неожиданно умерла, возможно, была отравлена, а через шесть дней после ее смерти бояре избавились и от Оболенского, который был «рассечен на части».

Патологические черты характера будущего царя всея Руси сказывались уже и в то время: любимым развлечением маленького князя было сбрасывать собак с башни. Скинув вниз очередную несчастную дворняжку, он быстро сам сбегал по лестнице, чтобы полюбоваться на ее предсмертные конвульсии.

Впоследствии в переписке с Курбским Иван оправдывал свои злодеяния именно детскими впечатлениями, тем, что он натерпелся в свое время от бояр: «Нам бо в юности детства играюще, а князь Иван Васильевич сидит на лавке, локтем опершись, отца нашего на постелю ногу положив, к нам же не преклоняясь», что в переводе означает: «Бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем и положив на постель нашего отца ногу, а на нас не смотрит».

Не правда ли, страшная обида? Не смотрит старик-князь, у которого свои внуки подрастают, на детские игры, да еще, страдая варикозом вен, осмелился ногу положить на давно опустевшую кровать их отца. В 1542 году он умер, а год спустя Иван выместил обиду на его брате, затравив того собаками.

Таинственный брат Ивана Грозного

Существует легенда, отчасти объясняющая вечный страх Ивана перед изменой. Глинская была второй супругой Василия III. Первой же его супругой была Соломония, дочь боярина Иоанна Сабурова. В продолжение 21 года Василий не имел от нее детей, поэтому распорядился заключить ее в монастырь в Суздальском княжестве. Соломония не хотела постригаться, она плакала и кричала, когда митрополит в монастыре отрезал ей косы. Она не хотела надеть куколь, и боярин Иван Шигона даже ударил ее плетью, произнеся: «Смеешь ли ты противиться воле государя и медлить исполнением его приказаний?» Ошеломленная Соломония спросила, по какому праву он ее бьет, он отвечал: «По приказанию государя».

Тогда она объявила перед всеми, что надевает монашеское платье не по желанию, а по принуждению, и призвала Бога в мстители за такую несправедливость.

Постриг Соломонии. Лицевой свод. XVI в.

Через некоторое время распространился слух, что Соломония беременна. Этот слух подтверждали две боярыни, прислуживавшие ей во дворце. Желая узнать, как на самом деле обстоят дела, Василий послал советников в монастырь, где содержалась Соломония, и поручил им хорошенько разведать истину. Княгиня-монахиня ответила, что они недостойны, чтобы глаза их видели ребенка, и что когда он облечется в свое величие, то отомстит за оскорбление матери.

Между тем в народе ходили сплетни, что Соломония родила сына, именем Георгия. Говорили, что именно его, подростка и возмужавшего, потом тщетно старался найти и убить царь Иван.

Нашел ли его царь? Этого мы никогда не узнаем, но возможно, что страхи его имели под собой серьезные основания. Ученые обнаружили это только в 1934 году, когда при ликвидации усыпальницы в подклети Покровского собора рядом с гробницей Соломонии было обнаружено маленькое белокаменное надгробие XVI века. Археолог А. Д. Варганов вскрыл ее и обнаружил... куклу. Свернутая из тряпочек фигурка была облачена в шелковую рубашечку и запелената в расшитый жемчугом свивальник. Теперь эти предметы находятся в Суздальском музее. Был ли настоящий младенец, и куда он делся – ответа на этот вопрос у историков нет.

«Учительные люди»

Один из эмигрантов, бежавших в Швецию при царе Алексее Михайловиче, Григорий Котошихин, оставил нам подробное описание русского быта и того, как воспитывали княжеских детей: «А на воспитание царевича или царевны, выбирают жену добрую, и чистую, и млеком сладостну, и здорову, и живет та жена у царицы в Верху на воспитание год».

До исполнения пяти лет за царевичем смотрит мамка – «боярыня честная, вдова старая», да нянька, да иные прислужницы. «А как царевич будет лет пяти, и к нему приставят для бережения и научения боярина, честью великого, тиха и разумна», в это же время княжескому дитяти подбирают друзей – детей боярских одного с ним возраста.

«А как приспеет время учить того царевича грамоте, и в учителя выбирают учительных людей, тихих и не бражников». Они занимаются с царевичем до исполнения ему пятнадцати лет – возраста совершеннолетия в тогдашней России. За это время княжеские дети учились читать и писать, выучивали назубок Псалтырь и другие церковные книги. Иногда они обучались и иностранным языкам: латинскому, греческому, немецкому. Арифметике и точным наукам их не учили.

Первый русский царь

В 1545 году Иван достиг совершеннолетия, таким образом став полноправным правителем, и тут же объявил о том, что, во-первых, хочет жениться, а во-вторых, желает венчаться на царство и именоваться впредь не великим князем, а царем всея Руси. «Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их также вольны», – так Иван сформулировал суть самодержавия. Эту формулу стоит сравнить с более древней, летописной, которая гласила, что князь поставлен от Бога казнить злых и миловать добрых, то есть следовать законам и моральным нормам. Теперь это отменялось: больше нет законов, нет правил, есть лишь воля одного человека – и горе холопам, если этот человек окажется душевнобольным.

Свадьба Ивана Грозного с Анастасией Романовой. «Царственная книга». XVI в.

Оба пожелания были выслушаны боярами со вниманием. 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась церемония венчания на царство, и в этом же году полторы тысячи девиц были свезены на смотрины. Свой выбор Иван остановил на дочери окольничего – Анастасии.

Жена и советница царя Анастасия Романовна была дочерью Романа Захарьина-Юрьева. Именно от него и произошла фамилия Романовы: избранный царем в 1613 году Михаил Федорович – внучатый племянник Анастасии.

Анастасия считалась красавицей: невысокая, темноволосая, с роскошной косой до пола и выразительными темными глазами. Ее называли кроткой, но в то время это слово означало умение держать себя в руках, спокойствие и выдержку, а вовсе не бесхарактерность, как это воспринимается теперь. Напротив, Анастасия обладала очень сильной волей. Она была очень умной и добродушной женщиной, умевшей сдерживать дикие порывы

Ивана. Увы, сам Иван, по описанию современников, был слишком нервным, непостоянным, внушаемым и даже трусливым, и только влияние Анастасии позволяло направлять его мысли и чувства в благое русло.

Прожила она с царем 13 лет. Именно эти годы царствования Ивана стали самыми продуктивными и полезными для страны. Были завоеваны Казань, Астрахань, многие ливонские города. Царь приближал к себе людей, основываясь не на их знатности, а на их уме и талантах.

После ее кончины проявились все самые дурные качества Ивана Грозного, и он открыто перешел к террору. Официальным предлогом стала версия об отравлении Анастасии, которую долгое время считали блажью постепенно сходящего с ума царя.

Уже в XX веке вскрытие ее захоронения стало сенсацией, подтвердив версию об отравлении: в останках (волосах, тлене и даже одежде) в огромных, немыслимых концентрациях были обнаружены ртуть, свинец и мышьяк.

Значит, все-таки убийство! Но кто же преступник?

Дети Анастасии:

– царевич Дмитрий Иванович (1552–1553), наследник отца во время тяжелой болезни в 1553-м; в том же году младенец случайно погиб: нянька. Проходя по мосткам на лодку оступилась и уронила его в реку.

– царевич Иван Иванович (1554–1581), погибший во время ссоры с отцом;

– царевич Федор Иванович (1557–1598), с 1584-го царь.

Царица Анастасия с новорожденным Иваном. Лицевой свод. XVI в.

Кроме того, у Ивана и Анастасии были дочери Анна, Мария и Евдокия, умершие в младенчестве.

В 1553 году Иван тяжело занемог, лекари даже объявили его безнадежным, и тогда встал вопрос о наследнике престола. Претендентов было двое: его годовалый сын Дмитрий и двоюродный брат Владимир Старицкий. Иван хотел оставить трон сыну, советники же убеждали его передать все брату. Дмитрий – младенец, сам править не сможет. Значит, вновь повторится та же грызня, что сопровождала его детство. Начнутся междоусобицы, не дай бог – изведут младенчика. Не стоит искушать судьбу – лучше сразу передать все брату. Так говорили ему друзья и советники, члены особого кружка – «Избранной рады», доверенные лица Ивана. Однако царь слышал иное: предали, изменили! Только и ждут его смерти, чтобы передать все сопернику...

Но смерть не пришла: царь выздоровел. Но еще семь лет он ждал, прежде чем отомстить «изменникам».

В «Избранную раду» входили несколько человек, в том числе и священник Сильвестр (умер около 1566), который был родом из Новгорода. Он сумел войти в доверие к царю после страшных пожаров в Москве 1547 года, воспринятых им как «кара господня». Он не был ни умным, ни хорошо образованным человеком, однако умел играть на суевериях Ивана Васильевича и сдерживать его «буйства». Ему приписывается авторство «Домостроя» и жития княгини Ольги. Примечательно, что в проповедях особое внимание он уделял обличению содомского греха. В 1560 году Иван сослал Сильвестра в Кирилло-Белозерский монастырь, где он принял постриг.

Загадка смерти Анастасии

Анастасия умерла в 1560 году. Ее смерть не была внезапной, известно, что она болела около десяти месяцев. Но после ее кончины Иван во всеуслышание объявил, что его любимую супругу отравили.

Этому мало кто верил. Главным доводом против версии об убийстве служило то, что ее смерть была никому не выгодна: ведь все любили и уважали царицу. Ее ценили как единственного человека, способного умерить гнев царя. Поэтому результаты химического анализа останков Анастасии стали настоящей сенсацией.

Кому могла понадобиться ее смерть, послужившая поводом для гонений и казней? Кто посмел посягнуть на ту, которую считали ангелом во плоти?

Известно, что царь Иван Васильевич шел за ее гробом, сам не свой от горя. Даже много лет спустя он с тоской и любовью вспоминал о ней в письмах. Но... история сохранила один поразительный факт: спустя восемь дней после похорон Анастасии бояре били челом царю с просьбой подумать о возможности второго брака. Формулировка была самой аккуратной: все знали, как велико его горе. В живых оставались двое царских детей – старший Иван и младший Федор, но кто знает, сколько лет жизни отпустил им Господь? А царь молод, ему всего тридцать лет, негоже хоронить себя заживо.

Ответ Ивана Васильевича изумил всех. Он не только не разгневался и спокойно выслушал бояр, но и ответил им, что сам уже думал о повторном браке. И не только думал – но и принял решение посвататься к сестре польского короля Сигизмунда-Августа Екатерине.

Не правда ли – странное противоречие? Прошла всего лишь неделя со смерти жены, а любящий муж, только что рыдавший на похоронах, уже спокойно рассуждает о новой партии и даже обсуждает кандидатуры невест.

Невольно возникает еще один вопрос: когда же царь успел так хорошо все обдумать? Неужели в ту неделю траура, что минула после похорон? Или это произошло раньше – в десять месяцев болезни Анастасии? Но в этом случае напрашивается вывод: царь давно уже понял, что его жена не поправится.

Екатерина Ягеллонка – непокорная полячка

Судьба этой женщины удивительна тем, что опровергает расхожее мнение, будто принцессы служат разменной монетой в политических интригах. Дважды Ягеллонка оказывалась в ситуации, когда ее могли принести в жертву большой политике, – и дважды близкие ей люди вели себя порядочно.

Екатерина. Лукас Кранх Младший. 1553 г.

Екатерина была дочерью покойного короля Польского Сигизмунда I и его второй жены Боны и сестрой нынешнего монарха – Сигизмунда-Августа. В 1561 году к ней посватался только что овдовевший Иоанн Грозный. В политическом отношении брак был очень выгоден, но слухи о безобразиях, творившихся в царском дворце, уже успели донестись до Варшавы. Рыцарственный и романтичный Сигизмунд-Август не стал жертвовать сестрой ради политических интересов. Он избежал прямого отказа, но выставил такие условия, которые явно не могли быть приняты. Это вызвало скандал: Грозный воспринял неудачное сватовство как личное оскорбление.

Вскоре появился другой претендент на руку Екатерины – Юхан, герцог Финляндский, сын Густава Вазы. Увы, его старший брат, Эрик, был почти таким же полупомешанным, как и Грозный, и во всем видел покушение на свою королевскую власть. Желание его брата породниться с польским королем показалось ему подозрительным, он высказался против. Однако Юхан не послушался: то ли действительно злоумышлял против брата, то ли невеста ему сильно нравилась – совсем не красавица, худенькая, рыженькая, с огромными темными выразительными и очень умными глазами. Не через сватов, а сам лично он отправился к польскому двору и посватался к Екатерине. Она ответила согласием. Свадьба состоялась, что привело к междоусобице. Юхан потерпел поражение и был заключен Эриком в Грипсгольмском замке вместе с женой, которая не пожелала разлучиться с мужем.

Но Иван Грозный не забыл своего неудачного сватовства. Он начал переговоры с Эриком, уступая ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзою, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину – в то время уже мать троих детей. Эрик согласился. В Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе. Но этому беззаконию воспротивились члены Государственного совета Швеции. Они всячески тянули время, не допуская русских послов до разговора с Эриком. Ну, а потом произошло то, чего Эрик больше всего боялся: сейм низложил его с престола и возвел на трон его брата, Юхана. Екатерина стала шведской королевой и могла больше не бояться за свою судьбу.

Русские послы, продержанные еще несколько месяцев в Швеции как бы в неволе, со стыдом вернулись домой. Иоанн был вне себя от ярости.

Царские невесты

Но в 1560 году Иван недолго переживал из-за отказа польской гордячки и вскоре послал сватов «у Черкасских князей дочерей смотрети». Там он подыскал себе другую невесту – девушку по имени Кученей, дочь хана Темрюка, правившего у порогов Днепра, там, где ныне стоит город Черкассы. Эта девушка слыла писаной красавицей, но даже не была христианкой. Черкешенку спешно окрестил митрополит Макарий, она получила имя Мария и была обвенчана с царем. Ни о каком «наставлении в православии» речи не было: царь так хотел поскорее жениться, что времени на это не осталось. «Обряды и празднества, сопровождавшие эту женитьбу, были столь странными и языческими, что трудно поверить, что все это

происходило в действительности», – писал английский посол Горсей. Со дня смерти Анастасии прошел ровно год – минимальный срок положенного траура.

Современники очень не любили Марию, считая ее злой и жестокой. Они обвиняли «злонравную» Марию в дурном влиянии на царя. Известно, что она действительно не отличалась добротой и очень любила наблюдать за жестокими казнями: в такие дни она выходила на крепостную стену и наблюдала, как приговоренным ломали руки и ноги, сажали их на кол или варили живьем в кипятке.

Умерла Мария в 1569 году и, как и после смерти Анастасии, Иван подозревал бояр в том, что они ее «извели». Единственный ее ребенок, о котором известно, царевич Василий Иванович, родился в 1563 году и прожил всего два месяца.

Часть ее родни так и осталась на службе у московского царя (это князья Черкасские), а часть – переметнулась к крымскому хану. Есть неподтвержденные сведения, что отец Марии-Кученей хан Темрюк участвовал в походе Девлет-Гирея на Москву 1571 года.

После смерти Марии Темрюковны жены сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой.

В 1571 году Иван снова устроил смотрины, куда свезли около двух тысяч девиц, и остановил свой выбор на красавице Марфе Васильевне Собакиной. Однако, прежде чем был совершен брак, эта девушка сильно занемогла, и царь по своему обыкновению заговорил о том, что ее отравили, обвинив в этом родственников своей прежней супруги. Последовали казни: в числе прочих брата Марии, Михайла Темрюковича, столь же жестокого и ненавидимого, как и она сама, посадили на кол.

Иван все же обвенчался со своей больной невестой, но не прошло и двух недель после свадьбы, как Марфа умерла. Царь кричал, что ее извели лихие люди.

В 1929 году ее могила была вскрыта. Среди музейных сотрудников бытует легенда, что Марфа лежала в гробу нетленная – бледная и прекрасная, словно живая, однако чудо длилось лишь несколько мгновений: при первом дуновении воздуха тело рассыпалось в прах.

На другой день после смерти Марфы Иван Васильевич собрал духовенство на собор и принудил его составить грамоту, разрешающую царю вступить в четвертый брак, издавна запрещенный церковными уставами. Обосновывал он это тем, что не жил с Марфой как с женой и «девства ее не разрешил». Царю перечить не смели: разрешение было получено.

В 1572 году царь женился в четвертый раз, на Анне Алексеевне Колтовской. Об этой женщине ходит много легенд, считается, что именно она сумела настроить царя против многих опричников и добиться официальной отмены опричнины. Даже выяснили, что она имела вескую причину ненавидеть опричников: ее первый жених был замучен в одном из подземелий Грозного.

Впрочем, интриговала она недолго: менее чем через год Иван насильно отправил Анну в монастырь, где ее насильно постригли под именем Дарья. Есть даже сведения, будто он возненавидел ее настолько, что заставил принять схиму – особо строгий вид пострига. Схимницы запирали себя в некоем подобии склепов, больше напоминавших подземную тюрьму, с ними было запрещено разговаривать. Возможно, Анна подверглась подобному наказанию, потому что слишком много знала.

Долгие годы содержалась Анна в монастыре. Она пережила Грозного и умерла уже в царствование Михаила Федоровича. Ни о каком заточении в подземелье уже не было и речи. Напротив, известно, что под конец жизни бывшая царица пользовалась уважением: при воцарении Михаил даже посылал ей подарки.

С тех пор Грозный больше не спрашивал у митрополита разрешения на женитьбу, и с последующими своими женами его венчал личный духовник, не смеавший ослушаться царского приказа.

Пятая жена, Мария Долгорукая, была его супругой всего один день в ноябре 1573 года. После брачной ночи Иван заподозрил, что она не девственница, а потому приказал посадить ее в колымагу, запрячь диких лошадей и пустить на покрытый тонким льдом пруд, в котором несчастная и погибла. «Этот пруд, – замечает англичанин Горсей, – был настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола».

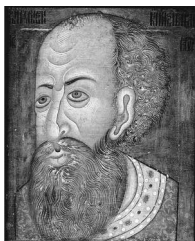
В память события с Долгорукой царь велел провести черные полосы на позолоченном куполе церкви в Александровской слободе.

Василиса Мелентьева. Николай Неврев. 1886 г.

Анну Васильчикову, скорее, можно назвать любовницей, так как нет никаких упоминаний, что Иван с ней обвенчался. Царицей она не считалась. Точно неизвестно, как долго прожила она с ним: называют сроки от нескольких месяцев до двух лет. Затем, как и прочие, она была насильно пострижена в монахини и в 1579 году умерла.

Василиса Мелентьева была вдовой одного из посадских людей, заколотого опричником. Царь взял ее в сожительницы около 1575 года, по одной молитве, без брачного обряда, а через два года то ли убил, то ли приказал постричь в монахини в Новгороде за то, что заметил ее «зрящу яро» на окружничего князя Ивана Девтелева, которого тоже казнил.

Парсуна Ивана Грозного. XVI в.

Несколькими годами позднее Иван женил своего сына Федора на Ирине Федоровне Годуновой (именно вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство ее брат, Борис Годунов). А затем из толпы невест Иван выбрал себе в жены девицу Марию Нагую. Как и к прежним своим сожительницам, он к ней довольно быстро охладел и планировал отправить бедняжку в монастырь, несмотря на то, что в отличие от большинства женщин Грозного, Мария Нагая успела родить сына. Это был несчастный Дмитрий, который погиб при загадочных обстоятельствах в 1591 году в Угличе, став невольной причиной появления множества самозванцев.

Черный маг Элизеус Бомелиус

В 1570 году царь приблизил к себе вестфальского авантюриста и чернокнижника Бомелиуса. В летописях этот человек упоминается как «злой волхв», хотя официально он числился лейб-медиком.

Елисей Бомелиус был сыном лютеранского проповедника из Голландии, недоучившимся медиком, практиковавшим в Лондоне и еще в Англии судимым за занятия черной магией.

В 1569 году московский посол Андрей Совин предложил Бомелиусу стать врачом русского царя. Тот с радостью переехал в Москву, где быстро стал любимцем Ивана, не столько врачую тело, сколько насылая порчу и составляя яды. Карамзин писал: «Злобный клеветник Бомелиус составлял губительное зелье с таким адским искусством, что отравляемый издыхал в назначенную тираном минуту».

Русские ненавидели Бомелиуса и всячески пытались очернить его. В конце концов он оказался в опале. В 1579 году мага арестовали и подвергли пыткам, при которых он признался в измене.

«Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал. Царь прислал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и провезли через Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть

на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер».

Рассказал Джером Горсей.

Бомелиус долгое время играл на суевериях Ивана, поддерживал в нем страх, предсказывал бунты и измены. Он «обманул царя уверениями, что королева Англии молода и что для него вполне возможно на ней жениться».

Грозный стал писать Елизавете Тюдор, рассказывая, что изменники составляют против него заговоры, соумышляют с враждебными ему соседями, хотят истребить его со всем родом. Иван просил английскую королеву дать ему убежище в Англии и намекал на возможность брака. Елизавета отвечала, что московский царь может приехать в Англию и жить в ее владениях сколько угодно, но в своей руке отказала.

Тогда Иван стал спрашивать, не найдется ли при английском дворе какой-нибудь принцессы королевской крови, годной ему в супруги. Нашлась родственница Елизаветы, старая дева Мария Гастингс, графиня Гоптингтонская, – в русских документах ее называли княжной Хантинской.

Иван отправил в Лондон дворянина Федора Писемского узнать о невесте. Тот отписался, что «Мария Гастингс ростом высока, стройна, тонка, лицом белая, глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках длинные». Об одном он забыл упомянуть: что невесте уже исполнилось тридцать лет. Ее называли племянницей Елизаветы, хотя она была всего лишь ее дальней родственницей по матери. На случай, если бы королева заметила, что у царя уже есть жена, Писемский должен был сказать, что она не какая-нибудь царевна, а простая подданная и для королевичной племянницы можно ее и прогнать.

Поначалу предложение стать русской царицей показалось засидевшейся в девках Марии великой честью, но потом, услышав о злодеяниях Ивана, она отказалась наотрез.

Пришлось сказать послу, что она была недавно в оспе и потому видеть ее и списывать с нее портрет никак нельзя. Рябая невеста не прельщала Ивана, и он принялся расспрашивать, нет ли у Елизаветы какой-нибудь другой родственницы, на которой он мог бы жениться. Переговоры зашли довольно далеко, в Москву даже был отправлен посол Баус, но его визит окончился ничем.

Федор Басманов – скоморох или любовник?

Говоря об любовных похождениях Ивана, нельзя ограничиться одним только женским полом. Содомские наклонности Грозного не были секретом для его близких: еще протопоп Сильвестр обличал их в своих проповедях. Да и сам Иван признавал, что ему свойственны «чрезъестественные влечения». Долгое время в фаворе был Федор Басманов. «Царев любовник» – называл его беглый князь Курбский. Об их связи писал и польский историк итальянского происхождения Александр Гваньини. Немецкий наемник Генрих Штаден, служивший в России в 1564–1576 годах опричником, в своих «Записках о Московии» также говорил о том, что царь предавался разврату с Федором Басмановым.

Во время оргий, которые устраивали опричники, Федор часто переодевался в женское платье и плясал для царя. Один из бояр, Димитрий Овчина-Оболенский, упрекнул этим любимца. «Ты служишь царю гнусным делом содомским, а я, исходя из знатного рода, как и предки мои, служу государю на славу и пользу отечеству». Федор пожаловался царю. Иван задумал отомстить Овчине, скрывши, за что. Он ласково пригласил Овчину к столу и подал большую чашу вина с приказом выпить одним духом. Овчина не мог выпить и половины. «Вот так-то, – сказал Иван, – ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье». Овчину увели

в погреб и задушили, а царь, как будто ничего не зная, послал на другой день в дом Овчины приглашать его к себе и потешался ответом его жены, которая, не ведая, что случилось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю.

Но в конце концов и Басмановы были заподозрены в измене. Первым пострадал отец – Алексей Данилович. В рассказе Карамзина отца и сына бросили в темницу вместе, и царь сказал, что помилует того, кто сумеет убить другого. Федор убил отца, но Иван Грозный сказал: «Отца своего предал, предашь и царя!» – и приказал его казнить. Басманов был приговорен к четвертованию, по слухам, на плахе он стал кричать, что готов поведать народу, как был любезен царю. Чтобы пресечь ненужные откровения, Малюта спешно отсек ему голову.

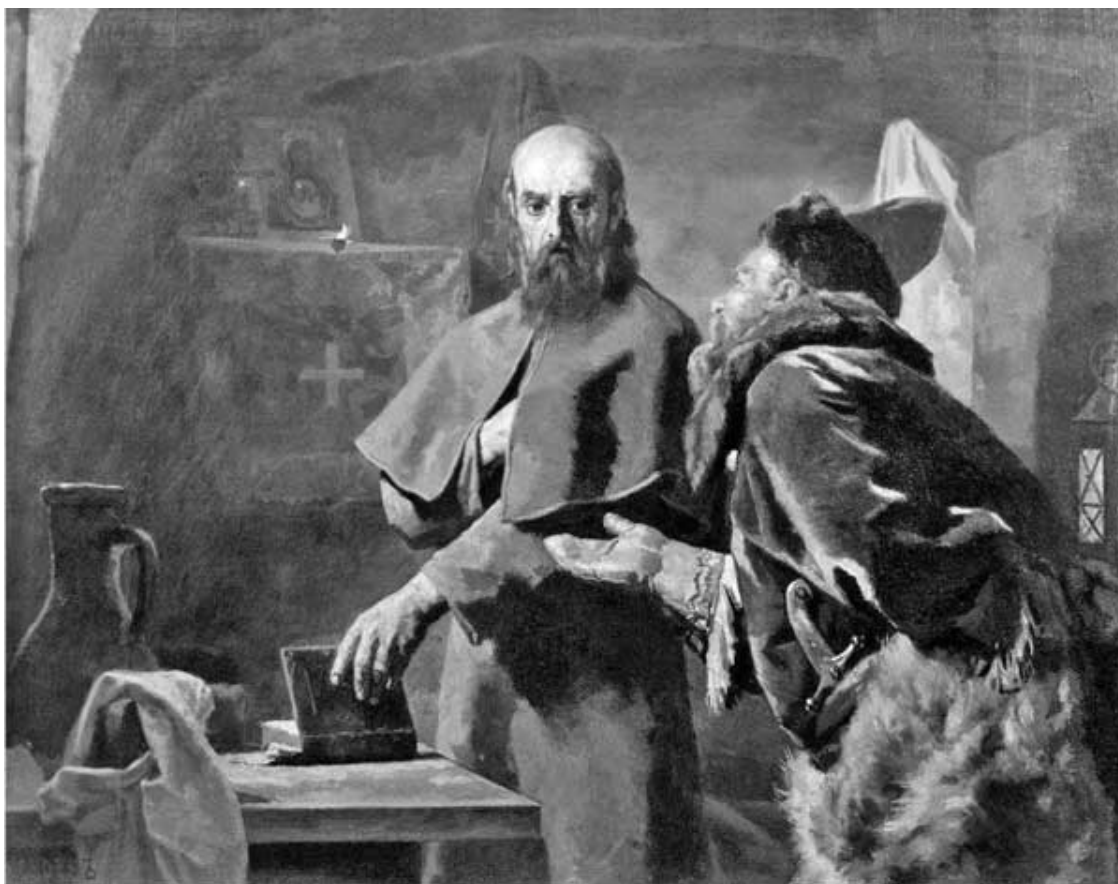
Но покончим с любовниками московского царя и вернемся к его государственной деятельности.

Псы царевы

В 1560-е годы перемены последовали не только в личной жизни царя, но и в политике. После смерти Анастасии практически все прежние советники царя и их родственники – даже малые дети – были арестованы, сосланы или казнены, а во дворце появились новые лица. Это были уже упоминавшиеся Басмановы, отец и сын, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов-Бельский, Василий Грязной и другие.

Вскоре царь выкинул совсем небывалый фокус: в конце 1564 года он распространил слух, что собирается бросить престол и страну. Приказав собрать дворян, детей боярских и приказных людей, выбрав их поименно, Иван объявил, будто ему известно, что многие не терпят его и злоумышляют на его жизнь, поэтому он намерен отказаться от престола. С этими словами Иван положил на землю жезл и царскую одежду и вскоре отбыл в Александровскую слободу (120 км от Москвы). Оттуда он принялся слать грамоты, которые зачитывали на площадях. В них он говорил о своей любви к народу и о великом гневе на бояр. Иван достиг желаемой цели: народ с энтузиазмом воспринял идею, что «царь – хороший, бояре – плохие». Нанятые люди распространяли слухи о том, что если бы не бояре, то жизнь стала бы сытой и вольной. Ситуация грозила бунтом, и бояре были вынуждены отправить посольство в Александровскую слободу.

Выслушав их, Иван согласился вернуться, но с тем условием, что он окружит себя доверенными, «опричными» людьми, призванными истреблять лиходеев и выводить измену из государства. Бояре согласились.

Митрополит Филипп и Малюта Скуратов. Николай Неврев. 1989 г.

Царь вернулся в Москву. Его едва узнали: черты его лица были искажены злобой, он глядел исподлобья, а беспокойные глаза беспрестанно перебегали из стороны в сторону. Мало того: он почти облысел, и борода его тоже сильно поредела.

Царь объявил свой план: отныне Русское государство переставало быть единым целым, а делилось на земщину и опричнину. В опричнину царь записывал только тех людей, которых считал себе верными. Вся остальная Русь называлась земщиной, управление ею доверилось боярам.

Грозный поселился в Александровской слободе, в укрепленном замке, обведенном валом и рвом, куда никто не смел ни въехать, ни выехать из него без его ведома. В трех верстах от слободы стояла воинская стража.

Численность опричников быстро увеличивалась и вскоре достигла шести тысяч человек. Они давали царю клятву не иметь никакого дружеского сообщения, не есть и не пить с земскими людьми. Летописцы утверждают, что им даже вменялось в долг насиловать, грабить и убивать земских. Символом опричников стали изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются, как собаки, оберегая царское здравие, и выметают всех лиходеев.

Обидеть царского опричника считалось смертельным преступлением. За это у земского отнимали все имущество, сажали в тюрьму или казнили. При тяжбе с земским в суде опричнику верили на слово, чем вовсю пользовались царские любимцы. Опричник, заезжая в лавку, мог подбросить что-то, а потом заявить приставу, что купец украл у него большую сумму денег. И лавка подвергалась разорению. Или заведет опричник с земским на улице разговор, а потом вдруг схватит его и начнет обвинять, что земский ему сказал поносное слово – опричнику верят.

Опричники стали привилегированным сословием, а земское население – совершенно бесправным. Само собой, ни о каких законах и речи не было, в стране царил произвол. «Если бы Сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее» – заметил Горсей.

«Все московиты считают, что самой природой назначено обвинять друг друга право и неправо по любым поводам: они наносят друг другу разные бесчестие, один часто приходит в дом другого и тайно приносит свои вещи, а потом говорит, что они же унесены от него воровски. Великий же князь охотно слушает, когда один другого в чем-то обвиняет: ведь у него появляется повод убить того, кто обвинен».

Рассказал Александр Гваньини.

Многие авторы умиляются показному благочестию, царившему в слободе. Но на самом деле обычаи, заведенные Иваном, позволяют назвать опричнину деструктивной сектой, пародирующей обрядовую сторону православия, а по сути – близкой к сатанизму.

В Александровской слободе существовало подобие монастыря. Триста доверенных опричников носили черные рясы поверх вышитых золотом кафтанов, а на головах – маленькие черные шапочки – тафьи. Иван назвал себя игуменом, Вяземского назначил келарем, Малюту Скуратова – пономарем, сам сочинил для братии монашеский устав и сам лично с сыновьями ходил звонить на колокольню. В двенадцать часов ночи все вставали и шли к полуночной, а в четыре утра – к заутрени. Богослужение длилось от четырех до семи часов утра. Сам царь так усердно клал земные поклоны, что у него на лбу образовались шишки.

Далее следовал завтрак или даже обед, учитывая, что вставали в четыре утра. Ели в трапезной; Иван, как игумен, не садился за стол, а читал перед всеми житие дневного святого, а обедал уже после один. Все наедались и напивались досыта; остатки выносились нищим на площадь.

Все чинно? Пока – да. Но дальше начинались ужасы: после обеда царь Иван ездил пытать и мучить опальных; в них у него никогда не было недостатка, их приводили целыми сотнями. пытки и казни служили Ивану развлечением, после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники писали, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв. Монашествующие опричники работали палачами, и у каждого из них под рясою был для этой цели длинный нож.

«...Орудие из четырех колес изобретено для пыток самим нынешним великим князем: к первому колесу привязывают одну руку, ко второму – другую, таким же образом – каждую ногу к остальным двум колесам. Каждое колесо поворачивают пятнадцать человек, и будь казимый хоть железный, хоть стальной, но шестьюдесятью человеками, беспощадно тянущими в разные стороны, он разрывается на части. Сам же князь обычно созерцает самолично эту казнь, и когда человека разрывает, он громко кричит, ликуя, на своем языке: “Гойда, гойда!”¹, как будто бы он совершил нечто выдающееся. Вся толпа знати и простолюды, стоящая кругом, обычно вторит своему государю теми же словами и рукоплещет».

Рассказал Александр Гваньини.

Затем в назначенное время отправлялась вечерня, после братия собиралась на вечернюю трапезу, снова молились, и царь ложился в постель, а слепцы попеременно рассказывали ему сказки.

¹ То же самое, что и восклицание «айда!».

Монашеский устав не мешал опричникам предаваться самому дикому разврату. Царь хвастался, что лично изнасиловал тысячу девиц. Если он где-то видел красивую женщину, то по его приказу несчастную хватали, и он тешился над ней несколько дней, а после отдавал опричникам. Опричники иногда раздевали женщин догола и заставляли их ловить кур. После этого многие из них сами лишали себя жизни. Выжившие иногда могли вернуться домой. Но не всегда...

«...У некоего знатного мужа, его главного писца, по имени Мясоедовский... была насильно похищена жена вместе со служанкой и задержана на несколько недель. Потом он (Иван Грозный... – М. Т.) приказал повесить ее и служанку в дверях мужнина дома, где они и провисели две недели, пока не были сняты по приказу государя. И ее муж был вынужден выходить и входить через эти двери под трупом жены. Еще более ужасную вещь сделал он с другим своим писцом: он похитил и обесчестил его жену, а потом повесил ее в той комнате в доме писца, где тот обычно принимал пищу, прямо над столом; и писец был вынужден совершать свою горчайшую трапезу за столом, над которым висела задушенная жена, до тех пор, пока не унесли ее тело по приказу государя».

Рассказал Александр Гваньини.

Историки некоторое время подвергали сомнению эти сплетни, но, увы, они подтвердились. Гваньини лишь напутал имя дьяка, в действительности Мясоед было его прозвищем, а звали его Константин Семенович Вислово.

«Заканчивая повествование о его благочестии, нельзя не привести один памятный акт, его милосердное деяние. В 1575 году вслед за моровым поветрием начался большой голод, уничтоживший лучших людей... Города, улицы и дороги были забиты мошенниками, праздными нищими и притворными калеками; в такое трудное время нельзя было положить этому конец. Всем им было объявлено, что они могут получить милостыню от царя в назначенный день в слободе. Из нескольких тысяч пришедших 700 человек – самых диких обманщиков и негодяев – были убиты ударом в голову и сброшены в большое озеро на добычу рыбам; остальные, самые слабые, были распределены по монастырям и больницам, где получили помощь».

Рассказал Джером Горсей.

Перечень жертв Ивана Грозного огромен. Людей не просто казнили, а мучили, убивали с выдумкой, с неимоверной садистской жестокостью.

Престарелого конюшего Ивана Петровича Челяднина царь вдруг обвинил в том, будто он хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем; царь призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на трон, сам стал кланяться ему в землю и говорил: «Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола». С этими словами он вонзил нож в сердце боярина, а затем приказал умертвить его престарелую жену.

Опричники. Николай Неврев. 1870-е г.

Князя Михаила Воротынского, талантливого полководца, успешно разившего татар, обвинили в чародействе. Царь приказал подвергнуть его пытке огнем в своем присутствии, сам, как рассказывают, подгребал жезлом своим уголья под его тело, а потом отправил измученного Воротынского в ссылку на Белоозеро. Несчастный умер в пути.

Молодого князя Бориса Телепнева посадили на кол, где он промучился 15 часов, прежде чем умер. А в это время перед его глазами опричники насиловали его престарелую мать.

Жену казначея Никиты Фуникова, сестру князя Вяземского, за то, что она не могла сказать, где хранятся деньги ее мужа, царь велел раздеть на глазах ее пятнадцатилетней дочери, посадить на грубую веревку, протянутую от одной стены до другой, и несколько раз проташить от одного конца до другого, фактически перепиливая ее тело пополам. После этого ее отправили в монастырь, но по дороге женщина умерла.

Подобные зверства продолжались массово в течение более чем двадцати лет. Во время казней народ приходилось сгонять на площадь: даже чернь, охочая до крови, пресытилась жестокостью.

Еще в 1550-е годы одной из причин конфликта Московского государства с Польшей стал запрет Ивана Грозного на въезд в Россию еврейских купцов.

Грозному можно приписать и один из первых в русской истории еврейских погромов: взяв в 1563 году Полоцк, он приказал вырезать всех евреев. То же повторялось и в других городах.

Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, более известен как Малюта Скуратов – свое прозвище он получил за малый рост и лютость. Впервые его имя упоминается в 1567 году: в походе на Ливонию он занимал должность «головы» (сотника) в опричном войске. А в 1559 году он уже возглавлял опричное сыскное ведомство – полицию по делам государственной измены, которой до того не было в государственном устройстве. Основным средством дознания Скуратова была пытка. Казни следовали одна за другой. «Где проехал

Малюта – там и курица не пьет», – говорили о нем, подразумевая, что даже в лужах скопилось не вода, а кровь.

Малютой было состряпано дело против Владимира Старицкого – удельного князя, двоюродного брата Ивана. Главным свидетелем обвинения стал царский повар по прозвищу Молява, который признался, что Владимир Старицкий поручил ему отравить царя. Сам Молява не дожил до конца процесса, но на основе его показаний Старицкий был обвинен и вместе со всей семьей принужден выпить яд.

Малюта обожал лично участвовать в расправах, хоть не всегда это было безопасно. Во время резни в Торжке Малюте исполосовали живот ножами так, что «из него выпали внутренности». Но он выжил.

Погиб Скуратов 1 января 1573 года, лично возглавив штурм крепости Вейсенштейн (ныне Пайде). Наследников мужского пола Малюта не имел, а только трех дочерей, выданных замуж за Ивана Глинского, Бориса Годунова и Дмитрия Шуйского.

Война против собственной страны

Иван Грозный вел себя так, словно находился в чужом государстве, которое надо было завоевывать. Ему постоянно чудились измены и заговоры, причем уже не со стороны отдельных лиц, а целых городов.

В декабре 1569 года он предпринял поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну, осудив на кару все попадавшиеся ему на пути города: Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы.

Опричники били и убивали кого попало, бросая тела убитых в Волгу. В помяннике Ивана записано около полутора тысяч убитых только в Торжке. Эти «победы» давались легко: города не оказывали никакого сопротивления собственному государю.

В Новгороде его встретили хлебом-солью. В ответ он приказал собрать всех самых знатных и богатых людей Новгорода и приказал опричникам раздеть их и терзать «неисповедимыми», как написал летописец, муками, обжигая их тела некой горючей смесью, специально используемой для пыток. Потом он велел измученных, опаленных людей привязать сзади к саням, отвезти к Волхову и метать в реку с моста. Вдоль по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, кто пытался выплыть. «Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева». Волхов был запружен телами. В Новгороде до сих пор бытует предание, что с тех пор Волхов никогда не замерзает около моста – он теплый от пролитой крови в том месте, где происходила казнь.

До той поры Новгород был городом богатым, но после Иванова посещения край обнищал и обезлюдел. Погром привел к страшному голоду и, как следствие, болезням. Доходило до того, что люди поедали друг друга и выкапывали мертвых из могил.

Из Новгорода царь отправился в Псков с намерением и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители готовились к смерти. Желая задобрить царя, они выставили на улицы столы с хлебом-солью и все смиренно пали ниц. Единственным человеком, который не склонился, а вышел царю навстречу, стал юродивый Никола. Он на блюде поднес Ивану кусок сырого мяса. «Я христианин, и не ем мяса в пост», – брезгливо произнес Иван. «Ты хуже делаешь, – ответил Никола, – ты ешь человечину». Затем юродивый предсказал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове. А вслед за тем у Ивана издох его любимый конь. Это так подействовало на царя, что он никого не казнил, а ограничился только грабежами.

После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что и в Москве есть заговорщики. Он начал розыск. Первыми пострадали его прежние любимцы Вяземский и Басмановы.

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидевши все эти приготовления, пришел в ужас и бросился бежать куда попало. Купцы даже забыли запереть свои лавки.

На пустынную площадь выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек осужденных на казнь. Измученные пытками, они едва держались на ногах.

Царю не понравилось отсутствие зрителей. Он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» – закричал Иван народу. «Будь здоров и благополучен! – закричал народ. – Преступникам и злодеям достойная казнь!» Тогда царь велел отобрать половину осужденных и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости, зато остальные намучаются вдвойне.

Изобретательность царя была так велика, что почти каждому была особая казнь. Дьяка Висковатого он приказал подвесить вниз головой и настрогать кусками. Начало казни положил Малюта Скуратов, отхватив несчастному ухо. Когда измученный дьяк испустил дух, царь приказал разделаться с палачом: ему показалось, что тот поленился и дальше кромсать дьяка и слишком быстро отправил его на тот свет. Фуникова обливали попеременно то кипящей, то ледяной водой, пока с него не слезла кожа.

На следующий день подверглись расправе жены казненных: их насиловали и затем топили в реке.

«Но так как весь народ, подчиненный московскому князю, предпочитает подвластное положение свободе, то неизвестно, не требует ли он такого тирана, соответствующего его нравам, который смог бы укротить их необузданность. Ведь большей частью в этих областях наблюдается, что рабы питают благодарность к господам, а жены – к мужьям, если чаще от них терпят побои, так как считают это проявлением любви. Напротив того, если на них не обращают внимания, то они вымаливают какой-нибудь знак любви, к ним обращенный. И не только слуги, но и многие знатные, видные люди и чиновники часто избиваются палками и публично, и приватно, по приказанию великого князя, и совершенно не считают это позором. Они даже хвалятся, что государь этим самым выказывает им знак любви, а будучи наказаны, благодарят государя, говоря: “Буди здрав и невредим, господин, царь и князь великий, за то, что ты раба и селянина своего удостоил побоями поучить”».

Рассказал Александр Гваньини.

«Сын церкви»

О полном отсутствии благочестия и уважения к церкви говорят те репрессии, которым подвергалось духовенство.

Так, новгородского архиепископа Леонида царь приказал зашить в медвежью шкуру и затравить собаками. По одной из версий тот остался жив, но все его многочисленное добро, лошади, деньги, сокровища были взяты в царскую казну, а самого заключили пожизненно в тюрьму, он жил там на хлебе и воде с железами на шее и ногах и занимался писанием икон.

Однажды Иван Васильевич заехал в Псково-Печерский монастырь: тамошний игумен Корнилий встретил его; Ивану бросились в глаза сильные укрепления монастыря, соору-

женные за свой счет Корнилием, происходившим из боярского рода. Ивану это показалось подозрительно; вспомнилось бывшее, закипело сердце, и он убил Корнилия жезлом своим – «предпослал его царь земной царю небесному», как гласит надгробная надпись на могиле Корнилия.

Одним из развлечений царя было травить медведями монахов, наподобие того, как древние римляне травили львами христиан. Для обороны монахам давался крест и нож. Горсей описывает подобную сцену и то, как один из монахов все же успел смертельно ранить зверя, но все равно был загрызен им уже умирающим.

Митрополит Филипп Колычев был одним из немногих, кого не обмануло лицемерное смирение царя, кто не клюнул на его показное благочиние и не побоялся открыто обвинить царя-убийцу.

Мирское имя митрополита было Федор, он происходил из очень знатной и богатой семьи, а в молодости служил в ратных и земских делах. Известно, что в юности царь Иван и Федор Колычев были знакомы и даже дружили. Но далее их судьбы разошлись: в тридцать лет Федор, так и не женившись (что было очень необычно), ушел в монастырь, приняв имя Филипп.

Через десять лет он уже стал игуменом Соловецкого монастыря, проявив себя очень хорошим хозяйственником.

«Остров Соловки лежит в море, на севере, между областями Двиною и Корелюю, в 8 милях от материка; по причине частых болот, лесов и пространных пустынь нельзя точно исчислить расстояние его от Москвы, хотя некоторые говорят, что он находится от Москвы в трехстах милях, а от Белоозера – в двухстах. На этом острове в большом количестве вываривается соль. Там же есть монастырь, в который если войдет женщина или девица, то это считается большим грехом. Там же богатый лов рыб, называемых туземцами сельги; по моему мнению, это сельди. Говорят, что во время своего летнего стояния солнце здесь только на два часа скрывается за горизонтом».

Рассказал Сигизмунд Герберштейн

Филипп осушил прилегающие земли, прорыв каналы между озерами. Расчистил кустарники – высвободились отличные пастбища, где Филипп разводил скот. Но не коров: коровы за Полярным кругом не выживают. Филипп разводил северных оленей!

И дело это стало таким прибыльным, что он выстроил еще и кожевенный завод, и каменную пристань – для удобства торговли. Он строил каменные церкви, гостиницы, больницы, подвинул производство соли в монастырских волостях, ввел выборное управление между монастырскими крестьянами.

Примечательно, что именно Иван предложил ему кандидатуру, видимо, рассчитывая, что по прошлой дружбе тот станет безропотно одобрять все его бесчинства. Но не тут-то было! Филипп не стал молчать, открыто называя опричнину «ликом сатанинским».

«Доколе в русской земле будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей», – говорил он, обращаясь к царю.

Иван не мог терпеть такое. Он приказал созвать церковный собор и устроил инсценировку суда над Филиппом, обвинив того в колдовстве. С митрополита сорвали облачение, опричники нарядили его в рваную монашескую рясу, вывели из церкви, заметая за ним след метлами, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь. Народ бежал за ним

следом и плакал, митрополит осенял его на все стороны крестным знаменiem. Опричники кричали, ругались и били митрополита своими метлами.

Некоторое время Филиппа держали в монастырских подвалах. По царскому приказанию ему забили ноги в деревянные колодки, а руки – в железные кандалы и морили голодом. Рассказывают, что царь приказал отрубить голову племяннику его, Ивану Борисовичу Колычеву, зашить в кожаный мешок и принести к Филиппу. «Вот твой сродник, – сказали ему, – не помогли ему твои чары».

Затем он был отправлен в Отроч-монастырь в Тверь. Спустя несколько лет Малюта Скуратов отправился, по царскому приказу, в Отроч-монастырь к Филиппу и собственноручно задушил его. Иноки погребли бывшего митрополита за алтарем. Впоследствии Филипп был канонизирован.

«...Тот, кто владеет московитской державой, превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, Гелиогабала, Максимиана, Фаларида Агригентского или даже Бусирида или Мезенция и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами».

Рассказал Александр Гваньини.

Боялись ли Ивана соседи?

Принято считать, что Иван Грозный, действовавший по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись», пользовался уважением современников. Но, увы, исторические факты этого не подтверждают. Напротив, репрессии сильно ослабили Россию и сделали ее лакомым куском для завоевателей.

Крымский хан Девлет-Гирей решил не ограничиваться окраинными набегами, а напасть прямо на Москву. Струсив перед лицом опасности, Иван Васильевич бежал, бросив столицу на произвол судьбы. Воеводы успели запереть ворота, но хан «пустил огонь в слободы». Пожар распространился очень быстро: в три-четыре часа вся Москва сгорела. Жертвы были огромны, в дыму задохнулся даже один из воевод. Уцелел один Кремль, куда не пускали народ, – там сидел митрополит Кирилл с царскою казною.

«В два месяца, – говорил англичанин-очевидец, – едва можно будет убрать кучи людских и конских трупов».

Хан не стал осаждать Кремль, отступил и послал Ивану Васильевичу письмо в таком тоне: «Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить... Пришел я на твои земли с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве, в Москве, и пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег и город сжег и опустошил, много людей саблями побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд, ты бы против нас стоял!

В 1572 году умер польский король Сигизмунд-Август, не оставив наследников. Перед шляхтой встал вопрос о выборе нового короля. Многие были не прочь посадить на трон царя из Московии. Но Иван не сумел воспользоваться выгодной для него ситуацией: польско-литовская рада желала видеть на троне сына Грозного – слабого и больного Федора (чтоб не мешал), а Иван Васильевич хотел, чтобы избрали его самого. Однако многие опасались посадить себе на шею тирана. В конце концов рада согласилась – но Иван опять сумел все испортить. Он затеял спор о титулах, о том, какие города должны отойти к Московии, настаивал на том, чтобы на царство католической Польши его венчал православный митрополит, подозревал поляков в сношениях с турецким султаном, в общем, придрался к такому коли-

честву малозначащих мелочей, что в итоге поляки решили отказаться о столь подозрительной и неудобной кандидатуры. Поляки избрали королем трансильванского князя Стефана Батория, который немедленно отправил к московскому царю посольство с требованием возвратить отнятые ливонские города. Это стало началом крупномасштабной войны.

Войны в Ливонии велись еще с 1558 года и поначалу были успешны для России, но теперь все изменилось. «Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выберете вы себе в короли!» – заявил Грозный в ответ на ультиматум Батория.

Но вскоре выяснилось, что он был не прав. Вслед за Стефаном и Швеция взялась за оружие. Стефан, хорошо зная, что жители многих русских городов ненавидят царя, издал манифест, в котором объявлял, что воюет с московским царем, а не с народом. Он дал приказ не мучить мирных жителей и не разорять их полей. Это возымело действие: русские города часто сдавались без боя. Баторий захватил Северские земли и Смоленскую область, шведы – Карелию и Ижорскую землю, Смоленщину и Черниговщину, Велиж, Великие Луки, Невель, Озерище, Заволочье, Торопец, Холм и Старую Руссу.

Шведский полководец Делагарди отнял у русских Везенберг, Нарву, захватил часть Новгородской земли, овладел Корелю, берегами Ижоры, городами Ямою и Копорьем.

Царь, выступивший было навстречу неприятелю, бежал в Москву и заперся там, дрожа от страха. Ему мерещилось, что вот-вот его самого схватят и выдадут Баторию. Боясь народного восстания, он прекратил казни.

Курбский прислал Ивану свое второе письмо: «Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьев, колеблемых ветром; вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!»

Баторий продолжал двигаться вперед. Как условие заключения мира он требовал Новгород, Псков и Великие Луки со всеми их землями. Он тоже не упустил случая потешиться над трусостью и малодушием врага: «... твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч!.. Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так, как над людьми!.. Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог, почувствуешь еще! Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский при помазании на царство должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты».

Чтобы еще больше унижить противника, Баторий присовокупил к письму Ивану книги о его зверствах, которые издавались в то время в Европе.

Единственным городом, который стоял насмерть, стал Псков. Его обороной руководил Иван Петрович Шуйский – внук того самого «невежи» Шуйского, осмелившегося класть ногу на постель покойного князя Василия. В итоге именно упорство Пскова и нежелание сейма давать деньги на продолжение войны вынудили Батория заключить с Россией Запольский мир – крайне невыгодный для России, которая лишалась всех своих завоеваний.

Со Швецией перемирие было заключено лишь в 1583 году. Россия потеряла не только Эстонию, но и исконно русские города Ям и Копорье.

Татарин на троне

Удрученный военными поражениями Иван Васильевич театрально «отрекся» от престола. Вместо себя он возвел на трон татарского хана Саин-Булата, который за три года до этого был крещен и с тех пор прозывался Симеоном Бекбулатовичем.

«...Посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича и царским венцом его венчал, а сам назвался Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях», – повествует летопись.

Саин-Булат считался великим князем всея Руси 11 месяцев. Над ним был совершен обряд венчания на царство. Известны жалованные грамоты, написанные от его имени. Этот «политический маскарад» так и не получил внятного объяснения ни от современников, ни от историков. В 1576 году Иван Васильевич вернулся на трон, а царя Симеона жаловал великим княжеством Тверским.

Хан Симеон Бекбулатович был женат на Анастасии Мстиславской, от которой имел шестерых детей – все они умерли раньше отца.

Иван Грозный на свадьбе Симеона Бекбулатовича. Лицевой летописный свод. XVI в.

До конца правления Грозного жил в Тверском княжестве. Борис Годунов лишил его удела, он обеднел, ослеп, или был ослеплен, жил в скудости. Лжедмитрий I приказал постричь Симеона в Кирилло-Белозерском монастыре в иноки под именем старца Стефана, а Василий Шуйский в том же году приказал сослать его на Соловки.

Сыноубийца

В Александровской слободе случилось ужасающее событие: в ноябре 1581 года царь Иван Васильевич убил железным посохом своего старшего сына. Причины этого происшествия толкуют по-разному. В летописях говорится, что царевич начал укорять отца за его трусость, за готовность заключить с Баторием унижительный договор и требовал выручки Пскова; царь, разгневавшись, ударил его так, что тот заболел и через несколько дней умер.

Но иезуит Антоний Поссевин (бывший через три месяца после того в Москве) слышал об этом событии иначе: приличие того времени требовало, чтобы знатные женщины надевали как минимум три одежды одна на другую. Царь, зачем-то зайдя на женскую половину во дворце в Александровской слободе, застал свою беременную невестку в одной только исподней одежде: она лежала на постели в жарко натопленной спальне. Разозлившись, он ударил ее по щеке и принялся колотить жезлом. Избил он ее так сильно, что она на следующую ночь выкинула. Царевич попытался вступить за жену: «Ты, – говорил он, – отнял уже у меня двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвил в утробе ее моего ребенка». Иван за эти слова ударил сына изо всех сил жезлом по голове. Царевич упал без чувств, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричал, рвал на себе волосы, вопил о помощи, звал медиков... Все было напрасно: царевич умер на пятый день и был погребен 19 ноября в Архангельском соборе.

При вскрытии могилы царевича Ивана археологи обнаружили, что его череп был полностью размозжен: это опровергает версию о якобы одном-единственном в запальчивости нанесенном ударе.

Иван Грозный убивает своего сына. Илья Репин. 1885 г.

С тех пор много дней царь ужасно мучился, ночами не спал, метался, как в горячке. Несколько месяцев сам царь и весь двор ходили в черных одеждах и не стригли волос в знак траура.

Этот несчастный Иван Иванович, сын Анастасии Романовны, был женат три раза: в 1571–1572 годах на Евдокии Сабуровой, в 1575–1579 – на Прасковье Соловой. Обе женщины были объявлены Иваном Грозным бесплодными и пострижены в монахини. Третья жена, Елена Шереметева, после смерти царевича тоже отправилась в монастырь.

Беглые бояре

Многие бежали от царя Ивана: князь Димитрий Вишневецкий, Алексей и Гаврило Черкасские, бояре Тетерин и Сарыхозин. В учебниках пишут о том, что при Иване Грозном в Москве открылась первая русская типография, но мало кто знает, что вскоре Иван Федоров и Петр Мстиславец бежали от Грозного в Литву.

Самым известным эмигрантом, первым русским диссидентом, стал Курбский.

Князь Андрей Михайлович Курбский – еще один человек, выступивший против зверств Ивана. Он был одним из приближенных царя в сороковые – пятидесятые годы, участвовал в Казанских походах. Во время осады Казани был одним из командиров, в Ливонской войне одержал ряд побед.

А в 1563 году после одного-единственного поражения Курбский с группой приверженцев и слуг бежал к Сигизмунду, бросив семью на произвол судьбы, и уже в сентябре 1564 года воевал против России. Его жена, мать, сын и братья погибли.

В Литве Курбский обосновался недалеко от Ковеля, в местечке Миляновичи, женился на богатой вдове, вскоре развелся, затем женился в третий раз на некой девушке, о которой известна только ее фамилия – Семашко, она родила ему дочь и сына Димитрия.

Из Литвы Курбский написал Грозному два письма, в которых обличал его злодеяния. Царь в ответ написал четыре письма, обвиняя Курбского в измене, в стремлении отделить Ярославль от остальной Руси, а также – что самое удивительное – в том, что он отнял у него жену Анастасию.

«Отнял» – то есть склонил ее к супружеской неверности. Конечно, историки не верили этому обвинению, считая его голословным, ничего не значащей фразой.

Но, может быть, наконец перед нами объяснение многих странных поступков Ивана?

Убийца Анастасии

Всем было известно, как горячо Иван любил Анастасию. Она имела на него большое влияние и не позволяла его страстям взять верх над разумом. Впервые измена почудилась Ивану в 1553 году, во время болезни, но лишь после смерти Анастасии он перешел к действию. То есть целых семь лет царица удерживала его от мести!

Анастасия проболела десять месяцев. И хотя на ее похоронах Иван рыдал над ее гробом, уже спустя восемь дней он спокойно рассуждал о новом браке. Именно он первым произнес слово «яд», назвав его причиной гибели жены. Остальные предполагали болезнь, приключившуюся, скорее всего, от частых родов. Мотива убивать Анастасию не было ни у кого! Кроме...

Археологические раскопки подтвердили версию об отравлении: царицу долго и планомерно травили ртутью и мышьяком. А следовательно, убийца всегда был рядом, пользовался полным доверием, имел доступ на женскую половину и мог пронести с собой отравленные снадобья. Примечателен еще и тот факт, что в продолжение всех долгих десяти месяцев ее

болезни об отравлении не говорил никто – и лишь после кончины Анастасии всплыла эта версия.

Так кто же убийца?

Кто-то из «Избранной рады»? Но они вряд ли имели возможность посещать больную царицу. Конечно, можно было подкупить кого-то из сиделок или из лекарей – но почему тогда Иван Васильевич, заговорив об отравлении супруги, не начал следствие, а сразу приступил к репрессиям?

Возможно, потому, что оно ему не было нужно – ведь отравителем был он сам.

Убивать – не было для него в новинку. В тринадцать лет приказал затравить собаками боярина. И ядами Иван интересовался – даже чернокнижника из Лондона выписал.

И вот теперь мы находим недостающее звено – мотив для убийства.

Безусловно, на основании одного лишь слова Грозного нельзя обвинить Анастасию в супружеской измене. Но достаточно и того, что Иван Васильевич верил в эту свою фантазию. Впоследствии он многих своих сторонников отправил на плаху на основании оговора, наветов колдунов или просто дурного сна. Тем более, что истинной причиной могло быть другое – желание высвободиться из-под опеки, получить возможность делать, что заблагорассудится. Ну а представляя моральный облик этого царя и то, сколько народа он отправил в мир иной своими руками, не так уж трудно предположить, что именно он дал яд своей якобы любимой жене, заподозрив ее в неверности. По крайней мере, это объясняет и горе царя на ее похоронах, и его быстрое сватовство к другой, и то, что он первым объяснил ее смерть отравлением, и последовавшие за ее кончиной репрессии.

Смерть

А между тем здоровье царя становилось все хуже и хуже. У него опухали половые органы, а тело покрылось отвратительными гниющими язвами. От него исходил омерзительный запах. Современные медики предполагают, что Иван Грозный был болен сифилисом. Это подкрепляется и химическим анализом его праха: в нем обнаружилось повышенное содержание ртути, а именно ртуть в те годы использовалась для лечения венерических болезней.

Кроме того, у Ивана был деформирован позвоночник: там образовались уродливые наросты, нарушавшие кровообращение и приведшие к параличу. Царь не мог ходить и приказывал носить себя в кресле.

Суеверный царь приглашал к себе знахарей и знахарок. Привезенные откуда-то из Сибири волхвы предрекли ему день смерти – 17 марта. Грозный был в ужасе. Он то падал духом, то молился, раздавая щедрые милостыни, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять возвращался к прежней необузданности... 15 марта он приказал нести себя в палату, где лежали его сокровища. Там перебирал он драгоценные камни и определял таинственное достоинство каждого сообразно тогдашним верованиям, приписывая тому или другому разное влияние на нравственные качества человека. Ему казалось, что его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело его все сильнее покрывалось волдырями и язвами.

Наступило 17 марта. Около третьего часа царь приказал объявить волхвам, что они обманули: предсказанный ими день настал, а он все еще жив. А стало быть, они будут казнены. Те ответили, что день заканчивается только с заходом солнца.

Царь приказал отнести себя в баню, мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь чувствовал себя свежее. Его усадили на постели; сверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог

поставить шахматного короля на свое место, и в это время упал. Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его, но царь уже был бездыханен. «He was strangled» – он был удушен, как бы невзначай сообщает Горсей. Оговорка ли это, или уставшие от его беззаконий придворные ускорили кончину? Явился митрополит и уже над мертвым телом наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионою. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль... Борис Годунов даже приказал затворить ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича было погребено в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына.

«Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос – настоящий скиф, хитрый, жестокий, кровожадный, безжалостный, сам по своей воле управлял как внутренними, так и внешними делами государства».

Рассказал Джером Горсей

Сын Грозного – слабоумный Федор – стал последним царем из династии Рюриковичей. После его смерти страна надолго погрузилась в пучину Смутного времени. И лишь в 1613 году Земский собор избрал на царский престол Михаила Романова – внучатого племянника царицы Анастасии...

Парсуна Федора Иоанновича. XVI в.

Петр I Человек играющий

Наверное, нет в мировой историографии фигуры, о которой было бы написано столько, сколько о Петре I. И несмотря на это, его личность до сих пор остается загадкой: уж больно ярким и противоречивым был этот человек. Он круто изменил быт и обычаи русского двора, реформировал армию, завоевал новые земли – и в то же время настолько подорвал экономику страны, что от большей части территориальных приобретений впоследствии пришлось отказаться. Он провозгласил себя императором, но убил собственного сына, поставив под угрозу продолжение династии. Он основал первые в России музеи и библиотеки, и лично участвовал в пытках и казнях. Устраивал галантные ассамблеи и кошунственные «всешутейшие соборы». Практически все его многочисленные биографы удивлялись, как в одном человеке могли сосуществовать две столь разные натуры.

Возможно, ответ кроется в том, что Петр старался превратить свою жизнь в игру и больше всего боялся столкновений с реальностью, ведь она не сулила ему ничего хорошего.

Насколько великолепен и совершенен был Петр в своих играх, настолько же гнусен и отвратителен он становился при столкновении с реальностью. Начав с потешных походов и флотилий, он постепенно расширял масштабы своих игр, перенося их из села Преображенского то в Крымские степи, то на поля Северной войны и искренне наслаждался этим. Он любил и прощал тех, кто поддерживал игру, но жестоко мстил тем, кто не хотел в ней участвовать.

Первые игрушки

Петр был четырнадцатым ребенком царя Алексея и первенцем его второй супруги – Натальи Кирилловны Нарышкиной. Царица Наталья воспитывалась в семье боярина Артамона Матвеева, любителя всего западного, поэтому она и во дворец перенесла привычную ей европейскую обстановку: Петр с младенчества был окружен иноземными вещами: упоминаются музыкальные ящики, «цимбалы» немецкой работы, а также «клевикорд» с медными струнами. Наталья любила музыку – а вот у Петра впоследствии не выявилось никакого музыкального слуха – всем прочим инструментам он предпочитал армейский барабан.

Алексей Михайлович. Польская гравюра. XVII в.

Наталья Нарышкина. Неизвестный художник. XVII в.

Видя интерес мальчика к военному делу, Наталья закупила для него целый арсенал игрушечного оружия: у царевича были миниатюрные крепости, деревянные пищали, пушки, лошадки и фигурки солдат.

Его отец, царь Алексей Михайлович, за спокойный покладистый характер прозванный Тишайшим, был вторым царем династии Романовых. Это был очень образованный человек, как и жена, интересовавшийся европейской культурой. Именно при нем в Москве появилась светская жизнь: появились книги недуховного содержания. Он выстроил в селе Преображенском «комидийную хоромину», где ставил спектакли пастор Грегори из Немецкой слободы.

Царь очень любил книги и даже сам написал трактат об охоте. Всем известна цитата из этого сочинения, превратившаяся в поговорку: «Делу время, потехе – час».

Женат он был дважды: на Марии Ильинишне Милославской, от которой имел 13 детей, и на Наталье Кирилловне Нарышкиной, родившей ему троих отпрысков.

Будучи поздним ребенком, Петр очень рано лишился отца: на четвертом году жизни. Это было первым вторжением суровой реальности в его безбедное существование. В то время Петр не считался наследником престола: ведь у него были старшие братья и сестры – дети первой супруги Алексея Михайловича – Софья, Федор и Иоанн и еще несколько царевен. Надо заметить, что все сыновья Марии Милославской отличались крайне плохим здо-

ровьем, некоторые из них умерли в детстве, другие – в юношестве, и никто не перешагнул тридцатилетие.

По смерти Алексея Михайлович трон занял пятнадцатилетний Федор – человек умный, образованный, но очень больной. Его родственники Милославские, мягко говоря, недолюбливали Наталью Кирилловну и ее детей. Они подозревали молодую, активную и красивую вдову в намерении навести на нового царя порчу, объясняя его многочисленные недуги колдовством.

Положение Натальи Кирилловны и ее сына резко ухудшилось. Милославские постарались убрать подальше от Москвы всех ее родственников: братьев, дядьев... даже воспитателя Матвеева сослали на север, в Пустозерск (исчезнувший ныне городок близ нынешнего Нарьян-Мара). Наталья Кирилловна старалась меньше бывать при дворе и поселилась вместе с дочерью и сыном в селе Преображенском – любимом дворце ее покойного мужа².

А между тем Петру уже исполнилось пять лет – возраст, когда царским детям было положено начинать учение. Ему наняли воспитателя – подьячего Никиту Моисеева, сына Зотова, который хотя и не знал наук и языков, но был довольно сведущ в истории, а паче отечественной. К сожалению, Зотов сильно любил выпить: впоследствии Петр даже назначил его президентом шутовской коллегии пьянства – своеобразный жест по отношению к «первому учителю».

Никита Моисеевич рассказывал царевичу о лицах и событиях прошлого, пользуясь «потешными книгами с кунштами» – т. е. с рисунками. Эти «потешные тетради» царица специально заказала у мастеров Оружейной палаты. Оттуда же молодому государю то и дело таскали пищали, карабины и барабаны – для ознакомления. Кроме того, Зотов показывал ему «Артикул со всеми военными экзерцициями», составленный при Алексее Михайловиче. Учитель знакомил Петра и с жизнью Запада по картинкам, изображавшим «знатные европейские города, великолепные здания, корабли и прочее». А вот «цифирная азбука», то есть арифметика, в программу царского образования не входила.

Зотов прошел с Петром азбуку, часослов, Псалтырь, Евангелие и Апостол. По древнерусским педагогическим правилам «пройти» значило выучить назубок. Даже в зрелом возрасте Петр мог наизусть цитировать эти книги. А вот грамотность оставляла желать лучшего: писал будущий царь с ошибками, совершенно невероятными, например, вставлял между двумя согласными твердые знаки. Наверное, современные психологи диагностировали бы у Петра дислексию – особенность восприятия мира, свойственную творческим людям с нестандартным мышлением.

Кровавый конец детства

Едва Петру минуло десять лет, реальность заявила о себе снова: весной 1682 года в возрасте двадцати лет скончался царь Федор. И тут же начались интриги!

От Марии Милославской у Алексея Михайловича был еще один сын – Иоанн, слабый и болезненный мальчик. Поэтому оставшиеся в столице Нарышкины принялись уговаривать патриарха провозгласить царем Петра – в обход Иоанна. В отместку Милославские стали распространять слухи, что царевич Иоанн убит Нарышкиными в Московском Кремле. Это спровоцировало первый стрелецкий бунт, который известен также как Московская смута, или Хованщина.

Милославские рассчитывали использовать стрельцов в своих целях, натравливая их на Нарышкиных, но события вышли из-под контроля: началась такая резня, которую никто из Милославских предвидеть не мог.

² Ныне это место в черте Москвы, там действует станция метро Преображенская.

11 мая 1682 года толпа стрельцов захватила Кремль, на глазах десятилетнего Петра были зарублены и заколоты многие родственники и друзья его матери, в том числе вернувшийся из Пустозерска Артамон Матвеев. Чтобы успокоить стрельцов и спасти оставшихся, Наталья Кирилловна с детьми вышла на крыльцо, прямо навстречу разъяренной толпе. Она предъявила стрельцам живого и более-менее здорового Иоанна, тот заверил всех, что мачеха его не обижает и заботится о нем, как о родном, – но это убедило не всех. Подсланные люди продолжали убеждать народ, что царя медленно травят, оттого мальчик и бледный!

Руководил стрельцами Иван Хованский, бездарный полководец, не выигравший ни одного сражения, зато заслуживший прозвище Пустомеля – за любовь к публичным речам. Теперь он перешел к самому настоящему бандитизму: стрельцы полностью захватили власть в городе, к ним присоединились нищие и бродяги, начались грабежи. Царская семья оказалась заложниками в осажденном Кремле.

Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам, чтобы доказать, что он жив-здоров. Николай Дмитриев-Оренбургский. XIX в.

Во всех народных бедах – от недорода до золотухи – винули Нарышкиных. Наталью Кирилловну пока не трогали: все-таки царица, а вот ее братьев потребовали на расправу.

Наталья несколько дней противилась, но в конце концов пришлось выдать – Софья настоящая.

– Брату твоему не отбыть из-за стрельцов, не погибать же нам всем за него! – твердила она.

Кирилла растерзали прямо во дворце. Ивана Нарышкина исповедали, причастили и соборовали в церкви Спаса за Золотою решеткою, а потом с иконой в руках он вышел к бунтовщикам. Те отволокли его в застенок и долго пытали, надеясь получить признание в том, будто он с царицей пытался известить царя Иоанна – это послужило бы оправданием

их бунту. Но Нарышкин молчал. Так ничего и не добившись, стрельцы четвертовали его на Красной площади.

Софья Алексеевна. Неизвестный художник XVII в.

Это была не единственная казнь – бунт продолжался еще целую неделю. Одно за другим стрельцы подавали «челобитья», и кремлевские заложники послушно выполняли все требования: постригали в монахи и высылали неугодных, выдавали деньги из казны. Для этого даже серебряную посуду переплавили на монеты.

Довольные стрельцы, получив «волю», пировали в Кремлевских палатах. Они не возражали, чтобы Софья объявила себя правительницей – регентшей при двух малолетних царях, Иоанне и Петре: все равно настоящим правителем почитал себя Хованский. Но уже осенью того же года он понял, как глубоко заблуждался. Однако было поздно: Софья отправила его на плаху. Она казнила еще нескольких главарей – и пощадила всех, кто перешел на ее сторону.

Эти события заставили молодого царя рано повзрослеть: спустя год иностранный посол принял его за 16-летнего. В это же время с ним случился первый эпилептический приступ. Конвульсии, судороги, мигрени и приступы панического страха и неконтролируемого гнева с тех пор будут мучить его всю жизнь. Выглядели эти приступы очень страшно: «Он делал различные страшные гримасы и движения головою, ртом, руками, плечами, кистями рук и ступнями... Заводил глаза и дрыгал взад вперед ногами». Во время приступов Петр был по-настоящему опасен: датский посланник Юст Юль описывает, как он зарубил ни в чем неповинного солдата.

Софья Алексеевна Романова, по общему признанию, была умной, сильной и талантливой женщиной. Она знала латынь и польский язык, много читала, писала стихи. Но все это было никому не нужно, потому что Софья была женщиной. Ее судьба была предрешена заранее: юных царевен держали взаперти в их покоях, а потом постригали в монастырь. Даже замужество им не светило: русские женихи считались недостойными царских дочерей, а иностранные исповедовали другую веру. Такая судьба Софью не устраивала, и она вступила в борьбу за власть поначалу вполне успешно. Ситуации в России в те годы сложилась странная: «старший царь» – Иоанн, «младший царь Петр» и регентша Софья. Именно она была реальной правительницей России в те годы.

Веселая Немецкая слобода

После страшных событий 1682 года царица Наталья Кирилловна окончательно уединилась в Преображенском, стараясь не напоминать о себе в Москве, где хозяйничали Милославские. Она жила очень скромно, постоянно нуждалась в деньгах, но на сыне не экономила: в сохранившихся дворцовых записях по-прежнему упоминаются пищали и потешные пушки, которыми играл подрастающий Петр. Именно тогда он обзавелся «потешным» войском и то и дело устраивал походы по окрестным селам, разоряя крестьянские огороды и

поля. Осматривая амбары своего троюродного деда – Никиты Ивановича Романова – Петр нашел старый английский бот, ставший родоначальником всего русского флота.

«Потешные» войска, «потешные» конюшни были у всех русских царей его возраста. На них выделялись средства из казны, потешным солдатам платили жалованье – но никто не принимал их всерьез, несмотря на то, что после игрушечных баталий на полях оставались самые настоящие убитые и раненые.

История России могла бы сложиться совсем по-другому, если бы не соседство двух поселений на реке Яузе – Преображенского и Немецкой слободы. Рыская по окрестностям, Петр неминуемо забредал и туда.

Впрочем, существует анекдот, который связывает приобщение Петра к западной культуре с подаренной ему князем Долгоруким астролябией – прибора для измерения расстояний. Ни Долгорукий, ни сам Петр понятия не имели, как им пользоваться, и через посредство придворного лекаря, немца по происхождению, постарались найти в Немецкой слободе знающего человека. Им оказался голландец Тиммерман, под руководством которого Петр принялся учиться арифметике, геометрии, артиллерии и фортификации. Тиммерман пригласил молодого Петра в Немецкую слободу и познакомил его с Францем Лефортом – известным кутилой. Иностранцы называли Франца Лефорта человеком большого ума, хорошо знающим состояние Европы, и приятным в обхождении.

В доме Лефорта Петр «начал с дамами иноземскими обходиться и амур начал первый быть к одной дочери купеческой», там он «научился танцевать по-польски»; освоил фехтование и верховую езду, выучил иностранные языки. Любя и ценя Лефорта, Петр назначил его генерал-адмиралом.

«Дочь купчаеская» – немка Анна Монс была дочерью виноторговца из Немецкой слободы. В течение более чем десяти лет она считалась официальной фавориткой Петра, который очень был к ней привязан, и, по слухам, даже подумывал жениться. Он дарил ей богатые подарки, выстроил для Анны каменный дом, а ее родню пожаловал именьями.

Роман этот кончился печально, но не по вине Петра. Напротив, он любил Анну «с редкой нежностью», однако девушка оказалась неблагодарной, и в 1704 году последовал разрыв. Супруга английского посла леди Рондо в письме подруге передает следующую сплетню:

«В один роковой день он (царь Петр – *М. Г.*) в сопровождении своих собственных и иностранных министров поехал осматривать построенную им в море крепость. На обратном пути польский министр случайно упал с мостков и утонул, несмотря на все попытки спасти его. Император приказал вынуть из его карманов все бумаги и запечатать на виду у всех. Когда обыскивали карманы, выпал портрет; император подобрал его, и вообразите его удивление: он увидел, что это был портрет той самой дамы. Во внезапном порыве гнева он вскрыл некоторые бумаги и нашел несколько писем, написанных ею покойному в самых нежных выражениях. Он тотчас же покинул общество, один приехал на квартиру моей рассказчицы и приказал ей послать за дамой. Когда та вошла, он заперся в комнате с ними двумя и спросил ее, как ей пришлось в голову писать такому человеку. Она это отрицала; тогда он предъявил ей портрет и письма, а когда сказал о его смерти, она залилась слезами, а он с такой яростью упрекал ее в неблагодарности, что готов был убить свою даму. Но он вдруг также заплакал и сказал, что прощает ей, поскольку так глубоко чувствует, сколь невозможно завоевать сердечную склонность, “ибо, – добавил он, – несмотря на то что вы отвечали обманом на мое обожание, я чувствую, что не могу ненавидеть вас, хотя себя я ненавижу за слабость, в которой повинен. Но я заслуживал бы совершенного презрения, если бы продолжал жить с вами. Поэтому уходите,

пока я могу сдержать свой гнев, не выходя за пределы человеколюбия. Вы никогда не будете нуждаться, но я не желаю вас больше видеть”. Он сдержал свое слово и вскоре после этого выдал ее замуж за человека, который служил в отдаленном крае, и всегда заботился об их благополучии».

Портрет неизвестной, предположительно Анны Монс. Неизвестный художник. 1700 гг.

На самом деле после разрыва Анна подверглась строгому домашнему аресту, и лишь в апреле 1706 года ей было дозволено посещать церковь. Одновременно Петр завел процесс о взятках, которые брали родственники Анны.

Что же касается ее замужества, то на Анне Монс хотел жениться прусский посол Кейзерлинг, но разрешение он получил лишь в 1711 году. Жили они недолго: Кейзерлинг скоро умер, оставив Анне двоих детей. Умерла она в 1714 году от туберкулеза.

Но Лефорт был не единственным интересным человеком, с которым Петр свел знакомство в Немецкой слободе! Нельзя не рассказать об Андрее Андреевиче Виниусе – голландском купце, учившем Петра I своему языку. Переводчик, составитель словарей, он также известен своим собранием карт, планом, гравюр и книг. Сочинения по географии, голландские гравюры познакомили юного Петра с иноземным образом жизни и чрезвычайно заинтересовали царевича.

Отношения Петра с Виниусом были сложными.

Поначалу его карьера развивалась весьма успешно, но уже в 1703 году был уличен во взяточничестве, бит кнутом и приговорен к уплате 7000 рублей.

«Здесь есть такое обыкновение, что сперва человеку дают возможность много накопить, а затем предъявляют ему какое-нибудь обвинение – и отбирают под пыткой все накопленное», – заметил кто-то из иностранцев по поводу его ареста.

В 1706 году Виниус бежал в Голландию, но уже в 1708 году снова приехал в Россию, получив прощение Петра I. Смиловитившийся царь приказал вернуть его имущество «домишко был распечатан, деревнишки возвращены», только огромной библиотеки дьяка в доме не оказались: ценные книги передали в Аптекарский приказ. Но потом и это исправили. А вот после смерти Виниуса в 1717 году, Петр снова забрал книги себе, а потом они оказались в Академии наук.

Верная Дунька

Матери Петра такие вольности не понравились, и, чтобы образумить 17-летнего сына, Наталья Кирилловна решила побыстрее женить его. Невесту выбирали даже без положенных смотрин – заочно. Петр не противоречил матери, и в январе 1689 года сыграли свадьбу «младшего царя» и двадцатилетней Евдокии Лопухиной, дочери окольничего.

В России того времени существовал обычай: царская невеста и даже ее отец меняли имена, словно начиная новую жизнь, отсчитывая время с оказанной им высокой чести. Дочь окольничего Прасковья стала Евдокией, а сам окольничий Илларион – Федором.

Евдокия Лопухина в монашеском облачении. Неизвестный художник XVII в.

Несчастливо сложилась жизнь этой женщины. Хотя царицей она пробыла 9 лет, Петр ее не полюбил, а свекровь – вскоре возненавидела. Ее принято считать ограниченной и неумной, но на самом деле она была точно такой, как тысячи боярышен, воспитанных в теремах, по старинке, и ничем не заслужила всеобщего осуждения.

Мужа Евдокия любила, во время разлук писала ему нежные письма, в униженных выражениях, как и положено воспитанной по Домострою супруге:

«Лапушка мой, здравствуй на множество лет! Да милости у тебя прошу, как ты позволишь ли мне к тебе быть? И ты пожалуй о том, лапушка мой, отпиши. За сим женка твоя челом бьет».

«Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, мой свет, на многие лета! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свет, моего прошения: отпиши, батюшка мой, ко мне о здоровьи своем, чтоб мне, слыша о твоём здоровьи, радоваться. А сестрица твоя царевна Наталья Алексеевна в добром здоровьи. А про нас изволишь милостью своей памятовать, и я с Алешенькою жива. Женка твоя Дунька».

Евдокия родила Петру троих сыновей, из которых выжил лишь один – Алексей.

В 1698 году ее сослали в Суздаль в Покровский монастырь и насильно постригли под именем Елены. Полгода спустя Евдокия вернулась к мирской жизни, а потом и любовника завела – офицера Степана Глебова. Опальную супругу царь не содержал, деньги ей присылали родственники. Впрочем, жизнь ее была сносной, пока Петр не обвинил в измене ее сына – Алексея. Тогда любовника бывшей царицы посадили на кол, а сама она была сослана в далекий Ладожско-Успенский монастырь, а затем, после смерти Петра, ревнивица Екатерина заточила соперницу в Шлиссельбургскую крепость. Освобождена была пятидесяти-восьмилетняя Евдокия внуком, Петром II, и остаток жизни провела в уважении и достатке.

Поединок с сестрой

До Софьи доходили известия о военных потехах сводного брата, и она не могла не понимать, что через несколько лет ей придется расстаться с властью. Родной ее брат Иоанн таких опасений не вызывал: он был «скорбен главою» и к тому же угасал на глазах. Софья бы и сама короновалась, но Патриарх Иоаким был категорически против: ведь она женщина.

Именно ее пол послужил поводом для первого конфликта с братом. В 1689 году, в праздник Казанской иконы Божией Матери, по обычаю, совершался крестный ход из Кремля в Казанский собор. Семнадцатилетний Петр подошел к сестре и объявил, чтобы она не смела идти вместе с мужчинами в процессии. Софья ничего не ответила, но взяла в руки образ Пресвятой Богородицы и пошла за крестами и хоругвями. Петр демонстративно оставил праздник.

Дальнейшие события крайне невняты. Принято считать, что Софья снова стала распространять слух, будто царь Петр решил занять своими «потешными» Кремль, убить царевну, брата царя Иоанна и захватить власть. Новый начальник стрельцов Шакловитый собрал полки, чтобы идти «великим собранием» на Преображенское и побить всех сторонников Петра. Но никаких реальных действий он не предпринял или не успел предпринять. А как раз в это время у Петра случился эпилептический припадок вкупе со свойственными этим болезненным приступам подозрительностью и гневливостью.

Оправившись, он бросил мать и беременную жену и, вскочив на коня, умчался в Троице-Сергиев монастырь. Зачем? Ведь в Преображенском у него были «потешные» войска – а в монастыре он мог надеяться лишь на благочестие монахов.

Впрочем, уже на следующий день Петр взял себя в руки: перевез в монастырь обеих цариц и вызвал «потешные» войска. Затем он во всеуслышанье объявил, что Софья собирается лишить его власти и сама венчаться на царство.

Противостояние брата и сестры продолжалось в течение всего августа. Они по очереди издавали «грамоты», призывая войска к себе, те колебались, не зная, чью сторону взять. В итоге большая часть войск все же повиновалась царю Петру: ведь он был мужчиной.

Софье пришлось признать поражение. Вскоре она была заключена в Новодевичий монастырь под строгий присмотр, а Шакловитый казнен. Старший брат царя, Иоанн, встретил Петра в Успенском соборе и официально передал ему всю власть.

Иоанн V считался царем, но ни разу не проявил интереса к государственным делам. Скорее всего, он страдал каким-то генетическим нарушением: в 27 лет выглядел совсем дряхлым, плохо видел и был частично парализован. Умер он на 30-м году жизни и был похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Иоанн был женат на Прасковье Федоровне Салтыковой и имел от нее нескольких дочерей, в том числе – Анну, избранную в 1731 году русской императрицей. Другая дочь Иоанна, Екатерина, была выдана замуж за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского и родила от него дочь Анну Леопольдовну, впоследствии ставшую регентшей при своем несчастном сыне Иване Антоновиче.

Игры азовские

Еще несколько лет после того как власть перешла в его руки, Петр не занимался делами, а продолжал играть и бражничать в Немецкой слободе. «Тут началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать», – писал князь Куракин. Смерть Натальи Кирилловны в начале 1694 года лишь ненадолго прервала привычный царю образ жизни.

«Потешные» войска тоже не скучали. Через несколько месяцев после смерти матери царь устроил так называемые Кожуховские походы, в которых «царь Федор Плешбурской» (Федор Ромодановский) разбил «царя Ивана Семеновского» (Александра Борисовича Бутурлина), оставив на поле потешной битвы 24 убитых и 59 раненых.

Расширение морских забав побудило Петра дважды совершить путешествие на Белое море, причем во время поездки на Соловецкие острова он подвергался серьезной опасности из-за шторма.

Как к продолжению игр Петр подошел и к своим первым военным походам – Азовским.

Военные разборки с татарами были для России традиционны. Татар поддерживала Османская империя – некогда могущественная, а теперь все более слабеющая.

Петр поставил себе цель – отбить крепость Азов, расположенную при впадении реки Дон в Азовское море.

Первый поход окончился неудачно: русские осадили крепость с суши, но морем туда продолжали подвозить припасы.

Ошибки были учтены, и к весне следующего года была построена гребная флотилия. Строили ее на верфи близ Воронежа, в месте впадения реки Воронеж в Дон. В апреле 1696 года спустили на воду 36-пушечный парусно-гребной фрегат «Апостол Петр». Создал его датчанин по фамилии Мейер. Длина этого плоскодонного трехмачтового фрегата, имевшего к тому же 15 пар весел, почти достигала 35-ти метров, в ширина превышала 7 с половиной метров. Служил этот корабль 14 лет – вплоть до неудачного Прутского похода.

Весной 1696 года окруженная со всех сторон крепость Азов сдалась.

Следующим шагом молодого царя было т. н. Великое посольство – дипломатическая миссия в Западную Европу, в котором участвовал верный друг Петра Лефорт и, инкогнито,

он сам. Для России это была беспрецедентная авантюра: русские цари никогда не покидали страну.

Первоначальной целью было похвастаться военными успехами, заявить о взятии Азова и заручиться поддержкой европейских правительств в дальнейшей борьбе против Крымского ханства. Но вместо этого Петр отказался от борьбы за Крым и позволил втянуть себя в двадцатилетнюю Северную войну. Возможно, что он гениально предвидел выгоды для России от будущих территориальных приобретений на Севере. Может быть. Но вполне вероятно и другое: молодому государю просто захотелось поучаствовать в большой европейской игре.

Наместник Фюрстенберг в письме Августу II подробнейшим образом описывает, как принимал в гостях Петра и, по приказанию Августа, всячески ему угождал, потакая самым нелепым прихотям. Забавная деталь: Петр блюл инкогнито, и поэтому приказал, чтобы при посещении замка его не видел никто. Однако все были в курсе его визита: наместнику даже пришлось выставить вокруг замка охрану, которая отгоняла любопытных.

Больше всего Петра интересовали армия и все с ней связанное, а также кунсткамера.

«Во время обеда я велел поставить на балкон под его комнатой трубачей и флейтистов, а также приказал подойти маршем к балкону телохранителям, лейб-гвардейцам, одетым в швейцарское платье при алебардах, так как мне известно, что барабаны и свистки – его любимая музыка и вообще вкус его направлен всего более на все, к войне относящееся. Я привел его этим в такое прекрасное расположение духа, что он сам взял барабан и в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что далеко превзошел барабанщиков».

Рассказал наместник Фюрстенберг.

Бедный наместник жаловался, что вопреки собственному желанию принужден был много пить, так как этого требовал Петр. После попойки они с наместником гуляли по саду, причем Петр направился туда, где находится карусель, и более получаса качался на льве.

Вот ставший знаменитым отзыв курфюрстины Софии Ганноверской о Петре: «...он признался нам, что не очень любит музыку. Я его спросила: любит ли он охоту? Он ответил, что отец его очень любил, но что у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам. Он нам сказал, что сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы. Надо признать, что это необыкновенная личность. Это государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер – совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума».

Петр не был светским человеком. О его манерах можно оставить впечатление еще и из этой записи немецкого придворного: «Царь превзошел самого себя в продолжение всего вечера: не рыгал и не чавкал, не ковырял в зубах, по крайней мере, я этого не слышал и не видал, разговаривал совершенно непринужденно с королевою и принцессами».

Царь-палач

Великое посольство было прервано вторым стрелецким бунтом. Подавили его очень быстро, но Петр все равно спешно вернулся в Москву. Начались расследования и казни, в которых проявились все худшие качества натуры Петра: он собственноручно рубил головы ненавистным стрельцам, мстя за пережитый в детстве ужас. «Царь, Лефорт и Меншиков взяли каждый по топору. Петр приказал раздать топоры своим министрам и генералам. Когда же все были вооружены, каждый принялся за свою работу и отрубал головы. Меншиков

приступил к делу так неловко, что царь надавал ему пощечин и показал, как должно отрубать головы», – свидетельствовал очевидец событий Георг Гельбиг.

Единоновременно было казнено около 800 человек (кроме убитых при подавлении бунта), а впоследствии – еще нескольких тысяч, вплоть до весны 1699 года.

Царевна Софья, до этого просто находившаяся в монастыре, теперь была пострижена в монахини под именем Сусанны. Чтобы еще больше наказать ненавистную ему сестру, Петр распорядился повесить казненных стрельцов прямо у ее окон.

Петр имел все основания расценивать этот мятеж как предательство, удар в спину. «Русь святая» предала – и она за это должна была поплатиться. Поэтому царь не ограничился расправами с мятежниками, а тут же принялся менять устоявшийся уклад русской жизни: прямо на пиру ножницами обрезал традиционную русскую долгополую одежду сановников, остриг бороды приближенным боярам. Велел всем переодеться в европейское платье. Указом ввел новый, юлианский календарь: отменив летосчисление от сотворения мира и празднование Нового года перенес на 1 января. До этого новогодие отмечали осенью.

Тогда же Петр завел манеру ходить с большой дубинкой в руках, которой он избивал проштрафившихся придворных.

Государь, точа человеческую фигуру на токарной машине и будучи весьма весел, что работа удачно идет, спросил механика Нартова:

– Каково точу я?

– Хорошо, – ответил Нартов.

– Таково-то, Андрей, кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцев.

Старинный анекдот.

Мерзкая история Марии Гамильтон

О чрезмерной жестокости Петра Первого рассказывает и сплетня, связанная с одной из его любовниц – Марией Гамильтон. Будто бы казнил он ее за измену, а когда голова красавицы скатилась на землю, подобрал ее и принялся рассуждать об анатомии, показывая придворным перерубленный позвоночник и сосуды.

Мария Гамильтон перед казнью. Павел Сведомский. 1904 г.

На самом деле зверство царя сильно преувеличено: Мария действительно одно время находилась с ним в интимной связи, но увлечение давно прошло. С тех пор имела она других любовников и была несколько раз беременна, но устраивала выкидыши. Последнего младенца она все же родила живым, но тут же утопила в судне (т. е. в ночном горшке), а потом выкинула трупик в отхожее место. Именно за это отвратительное преступление она была осуждена на смерть, причем довольно гуманную: ей отрубили голову, а не закопали живьем в землю, как того требовало Уложение 1649 года. Голова Марии была заспиртована и некоторое время хранилась в Кунсткамере, но потом какие-то моряки похитили сосуд, спирт выпили, а голову выбросили.

Антихрист из стеклянного города

«Всешутейший и Всепьянейший собор» – одна из самых экстравагантных затей Петра. Для него это была возможность не только развлечься и удариться в разгул, но и поиздеваться над ненавистой ему реальной, серьезной жизнью. Так возникла коллегия пьянства, или «сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор». Председательствовал на нем бывший царский учитель Никита Зотов – князь-папа, или «всешумнейший и всешутейший патриарх московский, кокуйский³ и всея Язуы». При нем был конклав из 12 кардиналов, отъявленных пьяниц и обжор, с огромным штатом таких же епископов, архимандритов и других духовных чинов, носивших откровенно неприличные прозвища.

Петр носил сан протодьякона и сам сочинил устав этого собора, в котором определены были до мельчайших подробностей чины избрания патриарха и рукоположения на разные степени пьяной иерархии. Первейшей заповедью ордена было напиваться каждодневно и не ложиться спать трезвыми, а целью объявлялось – славить Бахуса питием непомерным. Был определен порядок пьянодействия, «служения Бахусу и честного обхождения с крепкими напитками». У шутов были свои облачения, молитвословия и песнопения, были даже всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи, вернее х*игуменьи – именно так, с намеком на непристойное слово. Одной из них была Анастасия Петровна Голицына – женщина умная, но лишенная всяких понятий о благопристойном поведении и к тому же алкоголичка. Она умела развеселить государя и долгое время пребывала в фаворе – но потом ее обвинили в измене в связи с делом царевича Алексея и били батогами. Униженная и больная она дожила свой век в усадьбе Черемушки – на юге Москвы.

Как в древней церкви спрашивали крещаемого: «Веруеши ли?» – так в этом соборе новопринятому члену задавали вопрос: «Пиeши ли?» Трезвых отлучали от всех кабаков в государстве, пьяноборцев предавали анафеме.

Часто на святочной неделе Петр собирал огромную компанию, человек двести, и ночами напролет катался на санях по Москве или по Петербургу. Во главе процессии – шутовской патриарх в своем облачении, с жезлом и в жестяной митре; за ним, сломя голову, несутся сани, битком набитые его сослужителями, с песнями и свистом. Хозяева домов, удостоенных посещением этих славельщиков, обязаны были угощать их и платить за славление.

Раз на Масленице царь устроил служение Бахусу: патриарх, князь-папа Никита Зотов пил и благословлял преклонявших перед ним колена гостей, осеняя их сложенными накрест двумя чубуками, подобно тому, как делают архиереи дикирием и трикирием; потом с посохом в руке «владыка» пустился в пляс.

Святочное веселье было привычно, а вот шуточки, которые выкидывал государь во время Великого поста, коробили многих. Члены Всешутейшего собора в вывороченных полушубках выезжали на санях, запряженных свиньями, медведями и козлами.

Часто устраивались «шутовские свадьбы». Петр мог бросить все дела, чтобы сочинить очередной шутовской «указ» или регламент шутовского обряда. Со смертью Петра собор прекратил существование, оставив по себе дурную память не только как пример самодурства императора, но и как еще одно доказательство, что он и правда был «антихристом».

Из алкогольных напитков Петр предпочитал водку. Ящики, в которых хранились бутылки с водкой, по форме напоминали Евангелие.

В те годы винокурное производство было еще развито плохо. Тогдашнюю водку мы бы сейчас назвали плохо очищенной самогонкой или спиртом-сырцом. Крепостью она была не более 18 градусов, зато отчаянно воняла сивухой. На ассамблеях Петр приказывал разно-

³ Кокуй – это ныне исчезнувший ручей, впадавший в Язуу.

сить сосуды с этим напитком по всему парку и насильно поил им гостей, в том числе дам и духовных лиц, пока все не надиралось до свинского состояния.

Эти забавы послужили причиной возникновения легенд о царе-самозванце и царе-антихристе. Петра объявляли сыном немки и «Лаферта», говорили о том, что в «Стекольном царстве» (Стокгольме) настоящего государя похитили и, посадив в бочку, пустили в море, а вместо него прислали «немчину». Раскольники толковали священные книги, где было писано, что Антихрист родится от недоброй связи от жены скверной и девицы мнимой, от колена Данова, и вспоминали о том, что Петр родился от второй жены – незаконной, додумывая, что Даново племя – это и есть царское племя.

Был ли Петр таким уж отъявленным богохульником или человеком неверующим? Это было бы странно, учитывая его воспитание. К тому же доподлинно известно, что Петр заботился о возведении храмов и даже сам чертил для архитекторов эскизы. Так по его рисункам выстроены Петропавловский собор в Петербурге и церковь на Новой Басманной улице – совсем рядом с Яузой и Кукуем. К тому же, обладая хорошим голосом и слухом, Петр часто пел на клиросе, тем самым выражая уважение к церкви и богослужению.

«Мин херц» и денщики

Александр Данилович Меншиков был сыном булочника, а стал близким другом Петра и светлейшим князем Российской империи, герцогом Ижорским, членом Верховного тайного совета, президентом Военной коллегии, сенатором, генерал-фельдмаршалом и прочая, и прочая... Он был храбрым и удачливым военачальником, но бездарным дипломатом, талантливым организатором, но бессовестным взяточником. За казнокрадство был неоднократно бит самим Петром. В конечном итоге Меншиков нажил себе массу врагов, был сослан в Березов, где и умер.

«Меншиков был сильно привязан к царю и сочувствовал его правилам относительно просвещения русской нации. С иностранцами, если только они не считали себя умнее его, он был вежлив и любезен. Он также не трогал русских, умевших гнуть спину. С низшими обращался кротко и никогда не забывал оказанной услуги. В самых больших опасностях обнаруживал всю надлежащую храбрость и, раз полюбив кого-нибудь, становился его усердным другом.

С другой стороны, честолюбие его было безмерно; ни выше себя, ни равного он не терпел, а тем более человека, который вздумал бы превзойти его умом. Алчности был ненасытной и враг непримиримый. В уме у него не было недостатка, но отсутствие воспитания сказывалось в его грубом обращении».

Рассказал полковник К. Г. Маништейн.

С Меншиковым связаны слухи и о якобы имевшей место бисексуальности Петра Первого. Одна из причин возникновения этих сплетен – головокружительная карьера красавца Меншикова и то обращение, которое царь использовал в переписке с ним, – «мин херц» – «мое сердце».

Другой источник слухов – мемуары токаря Андрея Константиновича Нартова, где говорится, что в отсутствие Екатерины Петр клал с собой спать молодых денщиков. Впрочем, Нартов объяснял это по-другому:

«Государь поистине имел иногда в ночное время такие конвульзии, что клал с собою на кровать денщика Мурзина, за плечо которого держась, засыпал, что сам я видал. Днем

же нередко вскидывал головою кверху. Сие началось в теле его быть со времен бунтов, а до того не бывало».

Чрезмерная любовь Меншикова к роскоши нашла свое отражение в многочисленных анекдотах того времени. Придворный шут Балакирев часто подшучивал над царским любимцем.

Анекдоты:

В Петербурге князь Александр Данилович Меншиков выстроил для себя дворец на Васильевском острове. Дворец этот, скромный по сегодняшним меркам. Тогда считался одним из огромнейших. Государь сам следил за работами и не раз приходил любоваться на сооружаемые строения. В одно из таких посещений он вдруг заметил, что Балакирев, вооруженный аришином, с видом знатока важно рассказывает по только что оконченному, и сам с собой рассуждая, все что-то меряет.

Подозвав его к себе, Петр спросил:

– Давно ли ты, Балакирев, сделался землемером и что ты там измеряешь?

– Землемером я, государь, с тех пор, как стал ходить по матушке-земле, а что я измеряю, то ты сам изволишь видеть.

– Что же такое?

– Землю.

– Зачем?

– Да хочется вымерить по этому фундаменту, какое пространство земли займет Данилыч, когда умрет.

Государь улынувшись посмотрел на Меншикова, который от слов Балакирева поморщился.

В один прекрасный день Балакирев как-то особенно долго и колко подтрунивал над Меншиковым, так что князь потерял наконец терпение и хотел поколотить шута. Последний успел убежать.

** * **

– Хорошо ты, мошенник, – кричал ему вслед Меншиков, – я справлюсь с тобой порядком! Не только живому, но и мертвому не будет тебе от меня покоя. Даже кости познают мою силу.

На другой день после угрозы Балакирев явился к государю скучный и опечаленный.

– Батюшка-царь, помилуй! – возопил он.

– Что это значит? – спросил Петр.

– Подари свою дубину.

– Изволь, но прежде скажи, для чего она тебе нужна?

– А вот для чего она мне нужна: когда я умру, то велю положить ее с собой в могилу. И знаешь, для чего? Ее очень боится Данилыч, так она защитит меня. А то князь грозит, что и костям моим не будет от него покоя.

Государь улынувшись обещал ему подарить свою царскую дубину.

На другой день узнали об этом все придворные, и Менишков стал обходиться с Балакиревым дружнее и благосклоннее.

*** * ***

Князь Менишков, рассердясь за что-то на д'Акосту, крикнул:

– Я тебя до смерти прибую, негодный!

Испуганный шут со всех ног бросился бежать и,

прибежав к государю, жаловался на князя.

– Ежели он тебя доподлинно убьет, – улыбаясь говорил государь, – то я велю его повесить.

Я того не хочу, – возразил шут, – но желаю, чтоб Ваше Царское Величество повелели его повесить прежде, пока я жив.

Нарву – прорвало!

В Северный союз против шведского короля Карла XII помимо России вошли Дания, Саксония и Речь Посполитая (Польша). Чтобы не отвлекаться на Крым, Петр срочно заключил с Османской империей перемирие сроком на 30 лет, и уже 19 августа 1700 года объявил войну Швеции.

Но, увы: эта игра Петру поначалу не удалась, подвели союзники: Дания почти сразу же вышла из войны, а польский король Август не сумел взять Ригу. Попытка русских захватить Нарву окончилась полным разгромом. Шведы даже выпустили медаль с изображением горестно бредущего Петра и евангельской надписью: «И плакаша горько, ишед вон».

Однако шведы рано радовались: Петр умел учиться на своих ошибках. Он переформировал и заново обучил армию, отлил пушек, выстроил новые корабли, и уже с 1702 года одержал первые победы. «Нарву, которая 4 года нарывала, ныне, слава Богу, прорвало», – радостно писал Петр в письме. Выход к Балтийскому морю был открыт.

Прибалтийская красотка

В 1703 году при осаде крепости Мариенбург Петр I встретил 19-летнюю Марту Скавронскую, прибалтийскую крестьянку. Поначалу она приглянулась Меншикову, но Петр забрал у него красотку и сделал ее своей любовницей. Вскоре она приняла православие: крестной матерью стала единокровная сестра Петра Екатерина (одна из дочерей Марии Милославской), а крестным отцом – его сын от первого брака Алексей. С тех пор Марта стала зваться Екатериной Алексеевной.

Француз Лави в 1715 году так описал ее внешность: «...имеет приятную полноту; цвет лица ее весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца. Глаза у нее черные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное.» Лави отмечал, что царь относится к супруге «с особенным уважением».

Интересно, что, несмотря на обилие портретов, многие биографы упрямо называют Екатерину блондинкой. Не желая отказываться от образа «белокурой немки», они даже придумали, что Екатерина специально красила свои светлые волосы в черный цвет, чтобы соответствовать вкусам Петра. В этом случае им следовало бы упомянуть, что она и первой в истории носила темные контактные линзы.

«Однажды, когда царь был на обеде у короля Датского, на котором был более обыкновенного, последний, желая пошутить, сказал:

– А, братец, я слышал, что у вас тоже есть любовница?

Царь, находя подобную шутку далеко не в своем вкусе, возразил:

– Братец, мои фаворитки мне стоят недорого, ваши же публичные женщины стоят вам тысячи талеров, которые вы могли бы употребить гораздо лучше».

В 1706 году в Польше сменился король, а Карл XII начал новый поход на Россию, сманив на свою сторону гетмана Ивана Мазепу. Но удача покинула его: битва у деревни Лесной и Полтавское сражение решили исход войны. Шведский король с горсткой солдат бежал в турецкие владения. Там его встретили не слишком ласково, и вскоре он вынужден был вернуться на родину, где в 1718 году погиб при таинственных обстоятельствах.

Русская дипломатия и танцы на столе

Шведская королева Ульрика Элеонора еще два года пыталась сопротивляться, но в конце концов была вынуждена пойти на мирные переговоры. Осенью 1721 года был заключен Ништадтский мир, завершивший более чем двадцатилетнюю войну. Россия получила выход в Балтийское море и присоединила обширные прибалтийские земли.

С Ништадтскими мирными переговорами, которые вели замечательные дипломаты и в целом люди выдающиеся Андрей Иванович Остерман и Яков Вилимович Брюс, связана анекдотическая история. Петр, желая как можно скорее покончить с войной, готов был пойти на уступки и отдать шведам крепость Выборг. Он отправил на переговоры Павла Ягужинского, наделив его полномочиями заключить мир на шведских условиях. Остерман и Брюс, считая, что шведы вот-вот согласятся отдать крепость, послали людей навстречу Павлу Ивановичу с письмом, адресованным коменданту этого самого Выборга. В письме заключалась просьба перехватить посланника, уговорить кутнуть, напоить допьяна и таким образом задержать в дороге. План удался. Ягужинский задержался на два дня, и когда с больной головой, страдая похмельем, добрался до Ништадта, мир был уже заключен и стал триумфом русских дипломатов.

Заключение мира праздновалось семидневным маскарадом. Петр был вне себя от радости и, забывая свои годы и недуги, пел песни и даже плясал на столах.

Теперь Россия могла считаться великой европейской державой, в ознаменование чего Петр принял титул императора. Это был приз за победу в игре, который он сам себе назначил и вручил.

Яков Вилимович Брюс – знаменитый «чародей» и ученый. Он происходил из знатного шотландского рода и был потомком короля Шотландского Брюса. Его брат, Роман Брюс, был первым обер-комендантом Санкт-Петербурга. Их предки жили в России с 1647 года.

Яков Вилимович участвовал во всех войнах, которые вел Петр, и был удостоен ордена Андрея Первозванного, многих званий и титула.

Он был одним из самых образованных людей России, естествоиспытателем и астрономом. Владел шестью языками, активно занимался переводом и изданием научной литературы, собрал библиотеку из более чем полутора тысяч томов и «кабинет курьезных вещей», который лег в основу Кунсткамеры. Составил «Карту земель от Москвы до Малой Азии», являлся автором зодиакальной радиально-кольцевой планировки Москвы.

Яков Брюс. Гравюра XVIII в.

В 1702 году Брюс открыл в Сухаревой башне первую в России обсерваторию при Навигацкой школе в Москве. Его увлечение астрологией выразилось в издании знаменитых «Брюсовых календарей».

Народ сложил о Брюсе множество легенд. Якобы однажды Брюс принимал гостей у себя в усадьбе, и чтобы их развлечь, в июльскую жару заморозил пруд, так что его гости могли кататься на коньках.

В другой раз он представил гостям служанку, сделанную из цветов. Она улыбалась, танцевала, разносила напитки – только не могла говорить. В конце вечера Брюс вынул у нее из волос заколку – девушка рассыпалась, словно букет. Ему приписывали то, что он вырастил гомункулуса в реторте, и еще массу разных чудес.

Генрих Иоганн Фридрих Остерман – сын пастора из Вестфалии. Крутая перемена в его судьбе произошла во время учебы в Йенском университете: он совершил убийство. Одни биографы говорят, что это была дуэль, другие – что никакой дуэли не было, а он проткнул шпагой другого студента почти случайно, по пьяной лавочке. Как бы то ни было, Остерман вынужден был бежать в Голландию, где познакомился с Корнелием Крюйсом, вербовавшим молодых людей для службы в России. Тот взял Остермана к себе секретарем. К тому времени на службе в России уже состояли его старший брат Дитрих (он был воспитателем царевен-дочерей Иоанна Алексеевича) и родственник Гюйсен (наставник царевича Алексея).

В 1707 году Остерман поступил переводчиком в посольскую канцелярию. С этого момента его карьера стремительно развивается. По протекции Шафирова, его назначают на все более ответственные должности. Впрочем, позднее Остерман не постеснялся «подсидеть» своего благодетеля.

Примерно в это же время Генрих Иоганн Остерман становится Андреем Ивановичем Остерманом. По легенде, его «перекрестила» царица Прасковья Федоровна.

После заключения Ништадтского мира Остерману были пожалованы баронский титул и богатые поместья, а кроме того, за него сам император просватал Марфу Ивановну Стрешневу – знатную и богатую невесту, родственницу царя.

Судя по портретам, красавицей невеста не была, да и, по отзывам современников, добротой не отличалась, однако брак оказался на редкость удачным: мужа Марфа Ивановна любила всей душой, писала ему нежные письма, заботилась о его здоровье и нередко помогала Андрею Ивановичу в делах.

Для того чтобы свадьба состоялась, Остерман на короткое время перешел в православие и даже построил церковь в селе Степановском⁴. Впрочем, вскоре после венчания он опять вернулся в протестантство.

После смерти Петра I Остерман в течение пятнадцати лет фактически руководил внешней политикой России. Без него не мог обойтись ни один из часто менявшихся правителей.

⁴ Село Степановское Раменского района под Москвой. Эта церковь сохранилась, хотя здание сильно обветшало.

Впрочем, в конце концов именно дочь Петра I, Елизавета, отправила Остермана в ссылку в Березов⁵, где он и умер.

Павел Иванович Ягужинский – сын органиста из Литвы. Петр I называл его своим оком, говоря: «Если Павел увидит что-нибудь, то истина дойдет до меня так же точно, как будто я видел сам».

«Его наружность прекрасна, черты лица неправильны, но очень величественны, живы и выразительны; он высокого роста и хорошо сложен. В его движениях есть небрежность и свобода; в другом человеке это считалось бы недостатком воспитания, но в нем все так естественно, что каждый должен согласиться, что это ему идет.

При такой небрежности – вследствие которой каждое его движение кажется как будто случайным, – он полон достоинства, которое в самом большом собрании привлекает на него всеобщее внимание как на главное лицо.

Он обладает прекрасным умом и рассудительностью, а живость так сильно выражается на его лице, проявляется во всех его действиях; он поспевает в один день сделать более, чем другой за целую неделю. Если кто-нибудь просит его покровительства и он имеет основательные причины для отказа, то отказывается прямо, объясняя причины. Если же он сомневается, то назначает срок для ответа и тогда говорит: могу или не могу, поясняя, почему именно. Если он пообещает что-то просителю, то скорей умрет, нежели не сдержит своего слова».

Страну хватил кондрашка

Для ведения войн нужны деньги, чтобы их получить, Петр вводил новые налоги. Как следствие – случались народные волнения. Самым крупным стал бунт Кондратия Булавина, память о котором сохранилась в народной поговорке «Кондратий хватил».

Цена короны

В 1710 году Турция нарушила перемирие, и Петру пришлось двинуть войска в Прутский поход. Его сопровождала Екатерина, которую он полюбил всей душой. По легенде, из-за жары она не могла ухаживать за своими волосами, и ей пришлось обрить голову и вместо парика носить меховую шапку. Поход этот оказался крайне неудачным, Петр потерпел полное поражение и с остатками войск попал в окружение.

Датский посланник Юст Юль оставил яркое описание бедствий русской армии:

«Царь передавал мне, что сам видел, как у солдат от жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь, как многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали, как иные, томясь жаждою и голодом, лишали себя жизни...»

«...Царь, будучи окружен турецкою армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова. Большинство думало, что с ним припадок. Офицерские жены, которых было множество, выли и плакали без конца».

Существует легенда, что Екатерина и другие придворные дамы собрали все свои драгоценности на подкуп турецких послов – и те пошли на уступки. Россия вернула Азов Тур-

⁵ Ханты-Мансийский АО.

ции и разрушила Таганрог – этим и ограничились потери. Турецкий султан был крайне недоволен условиями мирного договора: он рассчитывал на большее.

По возвращении из похода Петр представил народу Екатерину как «спасительницу». Им даже был учрежден орден Святой Екатерины, и любовница царя была в числе первых дам, этим орденом награжденных. А вскоре состоялось и официальное венчание Петра Михайлова с Екатериной – 19 февраля 1712 года. Перед этим Петр нарочно распространял лживые слухи о смерти своей первой жены, Евдокии, чтобы успокоить народное мнение. В 1724 году Петр короновал Екатерину как императрицу и соправительницу.

«...От подобного возвеличения новое величество вовсе не стало высокомернее. Когда я передавал ей в царском шатре свои поздравления, она была так же любезна и болтлива, как и всегда, а за царским столом, следуя русскому обычаю, собственноручно подносила мне и другим лицам вино в стакане на тарелке», – рассказывает Юст Юль. Но тот же датский посланник приводит и другую сплетню, очерняющую Екатерину, утверждая, что ее драгоценности вовсе не пошли на подкуп послов: «Во время сражения царица раздала все свои драгоценные камни и украшения слугам и офицерам, по заключении же мира отобрала у них эти вещи назад, объявив, что они были отданы им лишь на сбережение».

Русский двор – самый пышный в Европе

Перенеся столицу в Петербург, Петр не останавливался ни перед чем для укрепления престижа нового города. Даже приказал эксгумировать тело своей малолетней дочери Натальи и перезахоронить его в Петропавловском соборе.

«Что касается Петербурга, то он живописно расположен на прекрасной реке, называемой Невой... Город стоит на трех островах. На одном расположено Адмиралтейство, которое и дает острову название; здесь же находятся Летний и Зимний дворцы⁶... Второй остров называется Петербургским, на нем расположены крепость и прекрасная церковь, где покоится тело... Петра I, его последней императрицы – Екатерины и нескольких его детей. Третий остров называется Васильевским, на нем расположены биржа, рынок, судебное и торговое управления (называемые здесь коллегиями) и другие общественные здания. Предполагалось, что здесь будут жить купцы; но хотя дома и улицы очень красивы, они по большей части не заселены, поэтому Адмиралтейский остров по населению значительно превосходит другие. Зимний дворец маленький, выстроен вокруг двора, вовсе не красив, в нем много маленьких комнат, плохо приспособленных, и ничего примечательного ни в архитектуре, ни в обстановке, ни в живописи. Летний дворец – еще меньше и во всех отношениях посредственный, за исключением садов, которые милы (а для этой страны – прекрасны), в них много тени и воды».

Рассказала леди Рондо.

Еще много лет европейцы относились к России скептически и злословили по поводу русского двора. Они называли его «самым пышным в Европе», роскошным, но при этом отмечали, что при великолепном костюме здесь можно видеть плохо вычесанный парик,

⁶ Современный Зимний выстроен при Елизавете Петровне, а вот Летний «дворец», а вернее дом Петра – сохранился в Летнем саду.

при чудесной материи – плохой покррой, а при изящном наряде – дрянную карету, в убранстве домов соседствовали обилие золота и серебра и страшная нечистоплотность. На один элегантный женский туалет встречались 10 безобразно одетых женщин. «Есть прекрасные лица, но мало тонких талий», – язвительно сообщал Манштейн.

«Раз императрица Екатерина подарила Петру голубой шелковый камзол, вышитый ею собственноручно серебром. Петр взял кафтан и слегка встряхнул. Несколько блесков осыпались на пол.

Смотри, Катенька, – сказал он, указав на них, – слуга сметет это вместе с сором, а ведь здесь с лишком двойное жалованье солдата».

«Невзирая на все старания, употребленные на приведение России в настоящее положение, которое так близко связало ее с остальной Европой и придало ей такой вес в европейских делах, я, признаюсь, усматриваю в ней только грубую модель чего-то, что предполагается усовершенствовать со временем, в чем составные части не сложены, не пригнаны одна к другой, не спаяны, а только наскоро подперты были сначала одной подпоркой, которую впоследствии заменили другой, и стоит только отнять подпорку, как все немедленно рушится», – писал англичанин Финч, добавляя, что первой подпоркой был сам Петр, второй – граф Остерман.

«В царствование Петра посетил какой-то чужестранец новопостроенный Петербург. Государь принял его ласково, и, вследствие того, все вельможи взапуски приглашали к себе заезжего гостя, кто на обед, кто на ассамблею.

Чужестранец этот, между прочим, рассказывал, что он беспрестанно ездит по чужим землям и только изредка заглядывает в свою.

– Для чего же ведете вы такую странническую жизнь? – спрашивали его другие.

– И буду вести ее, буду странствовать до тех пор, пока не найду такую землю, где власть находится в руках честных людей и заслуги вознаграждаются.

– Ну, батюшка, – возразил д'Акоста, случившийся тут же, – в таком случае, вам, наверное, придется умереть в дороге».

Рассказал актер Василий Каратыгин

Колесо, дыба и плаха как средства воспитания

Занятый делами Петр почти не принимал участия в воспитании Алексея, бросив его на «мамок». Учитывая, что мать мальчика томилась в монастыре, неудивительно, что вырос он противником всех проводимых Петром реформ.

Это заставляло отца считать сына глупым и упрямым. Он часто думал о том, чтобы передать престол другому – но все сыновья, которых родила ему Екатерина, умерли в первые годы жизни. Царевич был женат на принцессе Шарлотте-Христине-Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестре Елизаветы, супруги императора Карла VI. Брак был очень несчастлив: несмотря на то что принцесса была женщиной милой, доброй и благородной, муж ее не любил совсем. Однако она родила ему двоих детей: Наталью и Петра. Умерла Шарлотта совсем молодой: измученная жизнью в России, она, заболев, нарочно отказывалась от лекарств и не слушала советов врачей.

Известно, что сам Алексей без памяти был влюблен в крестьянку Ефросинью. Страсть эта была так сильна, что ее не уменьшило даже предательство Ефросиньи после ареста Алексея. Современники сравнивали это чувство с помешательством.

Алексей Петрович. Бертнард Франке. XVIII в.

В конце концов царевич был обвинен в измене. Вряд ли для этого были достаточные основания, хотя в 1717 году Алексей действительно бежал из России в Австрию. Сделал он это, страшась отца, для того, чтобы за границей дожидаться его естественной смерти и лишь затем занять престол, принадлежащий ему по праву. Если бы кто-то стал бы препятствовать его законным правам, царевич предполагал прибегнуть к помощи австрийской армии.

Петр отправил в Вену Петра Толстого, который должен был уговорить царевича вернуться. За это ему обещали полное прощение и родительскую любовь. Алексей поверил. Но после возвращения он был лишен права на престолонаследие, а его сторонники – казнены. Русское историческое общество в своих сборниках опубликовало депеши иностранных послов, описывавших это судилище:

«Царь собрал всех... знатных людей своей нации, как светских, так и духовных... в конференц-зале дворца.

...Царь вошел, и сел на трон, нарочно для него воздвигнутый. Вслед за тем в эту залу вошел Царевич в сопровождении Толстого. Приблизившись к Царю, он повергся к ногам Царя и подал ему письмо, который Царь передал барону Шафирову... в нем Царевич просил прощения у Царя за свои проступки, сделанные против него.

После этого начал говорить Царь и держал довольно пространную речь к сыну, он подробно описал в ней свои родительские заботы о нем во время его детства для того, чтобы когда-нибудь сделать его достойным преемником короны, и между тем все его заботы не привели ни к чему; он упрекнул Царевича в том, что он искал спасения без всякой надобности в чужих странах и просил покровительства Императора, в том что наглость его зашла так далеко, что он даже угрожал войной отцу, при этом он прибавил, что подобные поступки непокорного сына заслуживают не меньшей кары, как смертной казни.

При этих словах Царевич во второй раз упал к ногам Царя и воскликнул громким голосом:

– Я не прошу другой милости – как оставить мне жизнь!»

Рассказал датский посол Лоос

Шарлотта, кронпринцесса Брауншвейт-Вольфенбюгтельская. Гравюра. XVII в.

В заключение разыгранной по нотам трагикомедии царевич подписал акт об отречении от престола. Всех жителей Москвы и Санкт-Петербурга привели к присяге младшему сыну Петра.

Царевич получил наказание кнутом «секретно в присутствии очень немногих лиц», и под пыткой начал сознаваться во всем... даже в намерении отравить царя.

Но Петр на этом не остановился. Когда он выяснил, что Алексей был готов для захвата власти использовать австрийскую армию, царевич был осужден на смерть как изменник. Для оправдания этого поступка Петра Феофаном Прокоповичем была написана «Правда воли монаршей».

Сам Алексей, когда понял, что помилование ему не светит, перестал каяться в грехах и проявил необыкновенную твердость и даже надменность.

«Царевич перед всем собранием с необыкновенным хладнокровием (которое, по моему мнению, граничило с отчаянием) сознался отцу в своем преступлении, но далеко не выразил ни малейшей покорности Царю, не просил у него прощения; он резко объявил ему в глаза, что будучи вполне уверен в том, что не любим отцом, он думает, что это сознание избавляет его от обязанности любви, которая должна быть взаимна. Он полагал себя вправе обнаружить свою ненависть против него, вступаясь за угнетенный народ, который стонет под игом слишком тяжелого правления».

Рассказал датский посол Лоос.

Умер Алексей в Петропавловской крепости 26 июня 1718 года, по официальной версии, от удара. В XIX веке Устряловым были обнаружены документы, согласно которым царевича незадолго до смерти, уже после вынесения приговора, пытали, и эта пытка могла стать причиной его смерти. Существуют данные, согласно которым Алексей был тайно убит в тюремной камере. Однако похоронен он был в царской усыпальнице – Петропавловском соборе. Посмертная реабилитация Алексея произошла во время царствования его сына, Петра II.

Вместе с царевичем Алексеем погибли и многие другие лица. В том числе Александр Васильевич Кикин. Он с 1693 года был бомбардиром в «потешном» полку Петра, в Азовском походе сопровождал царя в звании денщика, затем в 1697 году отправился в Голландию вместе с Великим посольством и учился там кораблестроению. В течение двадцати следующих лет он постоянно выполнял важные поручения Петра, строил корабли, в 1708 году принимал участие в подавлении мятежа Булавина, ездил с дипломатическим поручением к Мазепе в Батурин.

Петр часто писал ему собственноручно, называя его «grotvader» и «дедушкой». Знатные лица заискивали перед ним. «Кикины палаты» в Петербурге – роскошный дворец – свидетельствуют о том, как роскошно жил этот человек.

Вот как ласково Петр поздравил его со свадьбой в 1712 году: «Поздравляем вас с молодою бабушкою и прошу, чтоб добра была ко внучку так, как добр был дедушка».

А в 1718 году он этого Кикина пытал и колесовал, объявив «главным виновником» в деле царевича Алексея.

Изменила ли Екатерина?

Увлеченный баталиями и фортификациями Петр часто уезжал. Уже совсем немолодой человек, он продолжал играть в занимательную игру, которую начал еще ребенком. Но реальность снова ворвалась в его мир, на этот раз в виде действительной или мнимой измены его любимой жены Екатерины, хотя всего лишь год назад он сделал ее императрицей и соправительницей.

Предполагаемым любовником Екатерины был камергер Виллим Монс – брат Анны Монс, бывшей фаворитки Петра Великого. В 1724 году ему было 36 лет, большую часть которых он честно прослужил государю: в 1708 году поступил в армию, участвовал в битве при Лесной и Полтавой, в 1711 году назначен личным адъютантом к государю. Примечательно, что почти никто из биографов не верит в эту измену, считая ее болезненной фантазией Петра. Однако 16 ноября 1724 года Монс был казнен якобы за то, что «вступал в дела, противные указам его величества и укрывал виновных плутов от обличения вин их и брал за то великие взятки».

Его сестра, Матрена Балк, которую Петр подозревал в сводничестве, – бита кнутом и сослана в Тобольск. А вот по отношению к супруге Петр ограничился лишь тем, что специально свозил ее посмотреть на насаженную на кол голову ее фаворита. По слухам, он даже велел заспиртовать его голову, и некоторое время она стояла в кабинете царицы Екатерины Алексеевны, а потом была помещена в Кунсткамеру.

С кем утешался Петр?

Молдаванка Мария Дмитриевна Кантемир, сестра поэта Антиоха Кантемира, привлекла внимание Петра Первого лет за пять до его смерти. Она была полной противоположностью обеим его женам: умная, хорошо образованная. Мария знала древнегреческий и латынь, разбиралась в математике и астрономии, риторике и философии, рисовала и музицировала. И она искренне любила Петра, отказывая многочисленным женихам. Мария даже была от него беременна, но роды произошли преждевременно и младенец не выжил. Поговаривали, что врач по наущению ревнивой Екатерины подсыпал девице Кантемир какое-то снадобье. После этого Петр на некоторое время вернулся к жене, даже короновал ее, но после ссоры снова вспомнил о любовнице. Увы, жить ему оставалось недолго. Мария горевала о своем царственном любовнике и замуж так и не вышла.

Смерть.

После истории с изменой жены Петр стал сильно болеть.

Установлено, что это была почечно-каменная болезнь и уремия. Современники считали, что причиной недуга был сифилис, которым якобы Петра заразила одна из его любовниц – генеральша Чернышева.

«Старая генеральша Чернышева (та, что отравила Петра Великого своими милостями, за что сей Государь приказал супругу отколотить ее без всякой жалости) часто ко двору звана бывает. Забавляет Императрицу своими выходками и любовными историями».

Рассказал Аксель Мардефельд

Евдокия Чернышева. Неизвестный художник XVIII в.

Евдокия Ивановна, урожденная Ржевская, вышедшая замуж за Григория Петровича Чернышева, действительно была любовницей Петра, но, кроме сплетен, никаких указаний на ее болезнь нет. Впрочем, известно, что, будучи в Европе, Петр не брезговал услугами публичных женщин, так что, вероятнее всего, заразился он именно там.

Император мог бы прожить еще несколько лет, если бы слушал врачей. Екатерина, которая могла бы уговорить его лечиться, находилась в немилости – Петр с ней не разговаривал. Ну а остальные не могли сломить его упрямство.

В октябре 1724 года Петр отправился осматривать Ладожский канал, затем проехал в Старую Руссу. По возвращении в Петербург у Лахты ему пришлось, стоя по пояс в ледяной воде, спасать севший на мель бот с солдатами. Это вызвало сильное обострение болезни, но Петр все равно продолжал заниматься делами, в то время как его состояние все ухудшалось: во время приступов Петр кричал от жестокой боли.

17 января 1725 года он распорядился поставить в соседней со своей спальней комнатой походную церковь, а 22 января исповедался. Силы начали оставлять больного, теперь он уже только стонал.

Петру нужен был человек, который бы продолжил начатое им дело, его преобразования. Но такового не было. Сына своего Алексея он убил. Большинство детей от Екатерины умерли во младенчестве. В живых оставались только девочки – Анна и Елизавета, а также внуки Петра от Алексея – Петр и Наталья. В 1722 году он издал Указ о престолонаследии, но не успел назначить преемника.

Перед смертью агонизирующий Петр начал писать завещание, но сумел начертать только: «Отдайте все...» – и перо выпало из его рук. Возможно, он и сам не знал точно, кому поручить державу. Царь велел позвать тогда дочь Анну, чтобы диктовать ей, но когда она пришла, он уже впал в забытие. На следующий день в начале шестого утра Петр скончался. Продолжавшаяся более полувека игра закончилась.

Похоронен Петр в соборе Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге.

Горе Екатерины было очень велико. Она долго не разрешала хоронить царя и плакала у его открытого гроба. Дни стояли довольно теплые, и тело быстро разлагалось. Вонь разносилась по комнатам дворца. По мнению приближенных, именно из-за «ядовитых миазмов» заболела горячкой и умерла малолетняя дочка Екатерины и Петра – Наталья.

На смерть Петра I

*Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады?
Слышь, не токмо едина; плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.*

*Всюду плач, всюду туга презельна бывает.
Но у бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти тебе.*

В. К. Тредиаковский

Экономика страны была подорвана и войнами, и строительством новой столицы, и слишком быстро менявшимся жизненным укладом.

Столь любимый императором флот быстро пришел в упадок: военные корабли вынуждены были по 6 месяцев стоять посреди льда в Кронштадте, где вода довольно пресная. При таких условиях ни один корабль не мог служить более 10 лет.

Марта Скавронская Крестьянка во главе государства

Петр Великий умер, не успев продиктовать завещание. Но почему уже давно болевший реформатор дотянул до последнего дня, чтобы начать составлять духовную? Ответ понятен: он не мог определиться с выбором наследника, и теперь, после его смерти, эта сложная задача легла на Сенат.

Первая супруга Евдокия родила Петру I троих сыновей, двое из которых умерли во младенчестве, Алексея, уже в зрелом возрасте Петр убил сам. В 1725 году Евдокия была еще жива и томила в монастыре. У царевича Алексея остались дети – сын Петр и дочь Наталья. Оба они были законными претендентами на престол.

Марта в 1710-х годах. Неизвестный художник. XVIII в.

Вторая жена, Екатерина Алексеевна (она же – Марта Скавронская), родила императору одиннадцать детей, но почти все они умерли в самом раннем возрасте. Отца пережили только две дочери: Анна и Елизавета. Обе они были умны, образованны и необыкновенно хороши собой. Анна была уже просватана за герцога Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского, их свадьба состоялась 21 мая 1725 года. Елизавета так и осталась незамужней.

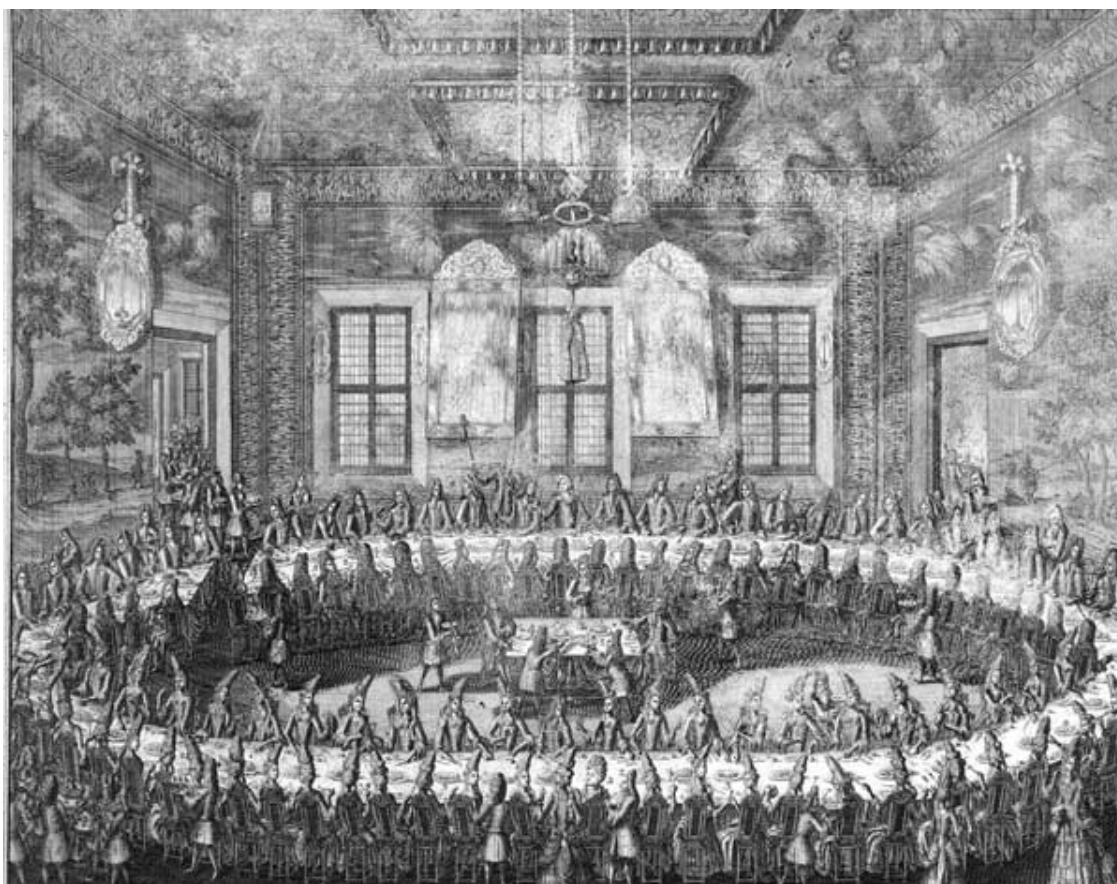
Кроме того, существовали еще и претенденты на престол со стороны царя Иоанна Алексеевича – единокровного брата Петра, у которого оставалось три дочери.

Из такого обилия кандидатов сенаторам предстояло выбрать одного. Но кого? Того, кто сможет править, или того, кто не будет мешать? Остановились на втором варианте, и усилиями Меншикова верх взяла Екатерина – в девичестве Марта Скавронская.

Уровень образования и интеллекта этой женщины лучше всего характеризует эпизод, описанный Юстом Юлем:

«Пополудни я был в церкви у вечерни и пел вместе с остальной паствой; вдруг я заметил, что церковные двери открылись, и в них появилась будущая супруга царя со свитой. Уже стоя на пороге, они долго еще раздумывали, войти ли им в церковь или не входить. Наконец, увидав меня, вошли и поместились в занимаемую мною скамью, одно из обыкновенных мужских отделений, – чем привели меня в крайнее смущение. Я имел по две женщины с каждой стороны: по одну руку стали царица и жена бригадира Балкша, по другую, короткое время спустя, – две другие женщины. Когда же вслед за ними ко мне устремилось еще несколько женщин, я вышел из моей скамьи как бы за тем, чтобы уступить им место, а сам занял другую. Вне отделений стояло много русских гвардейских офицеров; они говорили, кричали и шумели, как будто находились в трактире. Когда священник, взойдя на кафедру, начал говорить проповедь, женщины, успевшие к тому времени соскучиться, вышли из отделений и стали обходить церковь,

осматривая ее убранство, причем громко болтали о всевозможных вещах. Напоследок они снова заняли прежнее отделение. Однако так как проповедь затягивалась, то царица послала на кафедру сказать священнику, чтобы он заканчивал. Но священник, хотя и немало сбитый этим с толку, все-таки продолжал говорить. По окончании проповеди царица, которая от кого-то слышала, будто бы в этой церкви похоронена Пресвятая Дева Мария, послала просить президента о том, чтоб останки (Божией Матери) были выкопаны и переданы ей (царице) для перенесения в Россию. Но президент отвечал, что хотя церковь и называется церковью Марии, однако никакая Мария в ней не похоронена. Этим царице пришлось удовольствоваться. Из вышеприведенного примера можно заключить, как плохо царица наставлена в началах своей превратной веры; ибо, согласно учению самих русских, после кончины Божией Матери тело Ее было взято на небо, – и таким образом (Екатерина Алексеевна) не могла рассчитывать обрести ее останки где бы то ни было на земле».

Свадьба Петра и Екатерины. Гравюра. XVIII в.

Эта женщина никогда ранее не участвовала в управлении. Она даже не выучилась читать и писать: все бумаги за нее подписывали дочери. Она навидалась дворцовых интриг и сама порой в них участвовала, но ничего не смыслила в политике. Ее и избрали именно из-за ее ограниченности: теперь «птенцы гнезда Петрова» могли, не боясь никого, набивать свои кошельки.

Основную власть прибрал к рукам Меншиков, он фактически единолично управлял страной, не стесняясь объявлять в Сенате свои решения от имени императрицы. Однажды

фельдмаршал Бурхарт Христофор Миних просил дополнительных средств на окончание строительства Ладожского канала. Это было важным и нужным делом. Но сенаторы не без оснований полагали, что Миних присвоил часть выделенных до этого средств и теперь просит новых вложений, чтобы украсть и их тоже. Ну а сенаторы тоже были бы не прочь выпросить ассигнований на какой-нибудь проект, чтобы положить денежки себе в карман. Поэтому они довольно долго спорили. Меншиков, которому все это наскучило, поднялся и сказал:

- Императрица уже решила: не выделять.
- Когда она это решила? – воскликнул Миних.
- Утром, – отрезал Меншиков.

И только немногие из присутствующих отважились упрекнуть его, но не в своеволии, а в том, что он заставил их так долго совещаться, хотя уже знал «решение Екатерины».

Императрица же жила в свое удовольствие: завела любовника – красавца Рейнгольда Густава Левенвольде из прибалтийских дворян, устраивала пирушки для близких ей людей, дарила им дорогие подарки и вообще транжирила деньги.

Народ любил ее за то, что она сострадала несчастным и никогда не отказывала в помощи просителям. В передних дворца постоянно толпились солдаты и матросы, они часто просили царицу быть у них кумой. Она никому не отказывала и обыкновенно дарила каждому своему крестнику несколько червонцев.

Постепенно здоровье Екатерины становилось все хуже, и спустя два с половиной года она умерла. По преданию, перед смертью она видела сон: к ней с небес спустился Петр Великий в лавровом венке и горностаевой мантии. Он взял ее за руку и церемонно повел с собой на небо...

Спешно было составлено завещание: императрица в обход собственных дочерей передавала престол внуку Петра от казенного царевича Алексея, то есть законному наследнику. Екатерина не хотела его подписывать – но ей объяснили напрямик, что в случае иного решения, вряд ли ей удастся спокойно доцарствовать самой. Пришлось царице подчиниться. Примечательно, что это завещание, лишавшее ее престола, вместо больной матери, как обычно, подписала сама Елизавета Петровна.

Однако нельзя сказать, что правление Екатерины прошло совсем уж бесполезно! В эти два с половиной года была открыта Академия наук, в Россию съехались ученые со всего мира, была организована экспедиция Витуса Беринга и учрежден орден Святого Александра Невского.

Анна Петровна – великая княжна, дочь Петра I и Екатерины Алексеевны. Родилась она за три года до официального венчания Петра с Екатериной.

В 1725 году Анна вышла замуж за Карла-Фридриха, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского. Бракосочетание совершилось в Троицкой церкви на Петербургской стороне, по брачному договору она и ее супруг отказались от прав на российскую корону. Но герцог был честолюбив: вскоре он сделался членом Верховного тайного совета и вообще стал пользоваться большим влиянием, чем вызвал ревность Меншикова. Светлейший князь видел в герцоге соперника, поэтому он добился того, что в середине 1727 года Анна с мужем уехали в Гольштейнию (герцогство в Северной Германии), где в городе Киль в 1728 году Анна родила сына Карла Петера Ульриха (впоследствии – российский император Петр III).

Анна была умной и образованной женщиной, она походила лицом на отца, говорила прекрасно по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-шведски. По свидетельству современников, она была прекрасна, как ангел, затмевая даже младшую свою сестру – Елизавету, – которая впоследствии считалась красивейшей женщиной в Империи.

Умерла она рано и глупо: во время праздника с фейерверком по случаю рождения сына Анна в декольтированном платье упрямо стояла у открытого окна, хвалясь «русским здоро-

вьем» и смеясь над придворными дамами, советовавшими ей одеться теплее. Однако после этого ее настигла жестокая простуда, с которой не смогла справиться медицина того времени: в несколько дней Анна скончалась.

Перед смертью она изъявила желание быть похороненной в Петербурге, рядом с могилой отца, что и было исполнено. Супруг до конца своей не слишком долгой жизни горевал о ней. В 1735 году он учредил в память о ней орден Святой Анны, ставший при императоре Павле в 1797 году государственной наградой Российской империи.

Петр II Мальчик в поисках невесты

Внук Петра, сын казненного царевича, Петр II Алексеевич стал третьим императором Всероссийским и последним представителем дома Романовых по прямой мужской линии. Полный титул одиннадцатилетнего подростка звучал так:

«Божиею милостию мы, Петр Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея северные страны повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей и иных многих государств и земель Восточных и Западных Северных Отчичь и Дедичь и наследник и государь и обладатель».

Петр с сестрой Натальей в детстве. Луи Каравак. 1722 г.

До вступления на престол он воспитывался сначала двумя «мамками» из Немецкой слободы, а затем ему были наняты гувернеры, которые из всех наук лучше всего обучили мальчика татарским ругательствам, за что и были самолично биты его царственным дедом. Впрочем, вполне возможно, что виноваты были не только учителя: старшая сестра Петра, великая княжна Наталья, воспитывалась так же, однако в отличие от брата выросла очень умной и образованной девушкой. К сожалению, как и брат, она рано умерла.

На его коронацию Антиох Кантемир написал «Хронистическую эпиграмму», которая с точки зрения современного человека выглядит, мягко говоря, непонятно:

«ПЕТР ПРИ СВЫШЕ КРЕПКУ ВЛАСТЬ НА ЛЮДИ
Венчаньем. Творче, помощь крепка буди».

Сейчас трудно понять высокую поэзию осьмнадцатого столетия. Смысл эпиграммы состоит в том, что выделенные крупным шрифтом буквы первого стиха по старославянскому обозначению имеют и числовое значение (в алфавитном порядке: а – 1; в – 2; д – 4; е – 5; и – 8; і – 10; к – 20; л – 30; н – 50; п – 80; р – 100; с – 200; т – 300) и в сумме составляют 1728 – год коронации Петра II.

Ну какую власть мог «приять» одиннадцатилетний мальчик? Само собой: никакой. Всем по-прежнему управлял Меншиков.

Мария Меншикова – невеста номер два

Ввиду молодости наследника престола Екатериной был учрежден регентский совет, который собрался только один раз: светлейший князь Меншиков предполагал править единолично и не хотел, чтобы советники путались у него под ногами. Для укрепления своей власти он предполагал женить ребенка-императора на своей дочери Марии, которая была старше его на четыре года.

Мария Меншикова. Иоганн Таннауэр. 1727 г.

Эта девушка была уже второй невестой юного императора: еще при жизни Екатерины Алексеевны Остерман разработал проект примирения двух ветвей царствующего дома путем брака 10-летнего Петра Алексеевича и 16-летней Елизаветы Петровны, приходившейся ему родной тетей. Чтобы оправдать брак при столь близком родстве, Остерман оперировал примерами из Библии, вспоминая потомство Адама и Евы. Эти аналогии смутили даже саму Екатерину I, и она отвергла его проект, несмотря на то, что сильно желала видеть свою дочь царицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.